

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет филологический
Кафедра русского языка, коммуникации и журналистики
Направление подготовки 45.04.01 – Филология
Направленность (профиль) образовательной программы Русский язык в межкультурной коммуникации

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

И.о. зав. кафедрой

 А.В. Блохинская
« 24 » 06 2025 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему: Образ человека в русских частушках.

Исполнитель

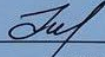
студент группы 397–ом1

 18.06.25
подпись, дата

Г.Д. Арбузова

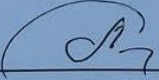
Руководитель

доцент, канд. филол. наук

 18.06.25
подпись, дата

Н.Г. Архипова

Руководитель научного
содержания программы
магистратуры

 19.06.25
подпись, дата

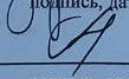
Г.М. Старыгина

Нормоконтроль

 19.06.2025
подпись, дата

А.Г. Сайфулина

Рецензент

 20.06.2025
подпись, дата

И.И. Лейфа

Благовещенск 2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет филологический
Кафедра русского языка, коммуникации и журналистики

УТВЕРЖДАЮ

И.о. зав. кафедрой

Е.Г. Иващенко
« 14 » 10 2024 г.

ЗАДАНИЕ

К магистерской диссертации студента

Арбузовой Галины Дмитриевны

1. Тема магистерской диссертации:

Образ человека в русских частушках
20.01.2025 95-чч

2. Срок сдачи студентом законченной работы (проекта) 18.06.2025

3. Исходные данные к магистерской диссертации:

Частушки, образ человека, русская языковая
картина мира, концепт

4. Содержание магистерской диссертации (перечень подлежащих разработке вопросов):

1. Образ человека в русских частушках
2. Частушка как неточный представление о человеке

5. Перечень материалов приложения: (наличие чертежей, таблиц, графиков, схем, программных продуктов, иллюстративного материала и т.п.) 1 приложение

6. Дата выдачи задания 24.10.2024

Руководитель магистерской диссертации:

Архипова Анна Викторовна, кандидат филол. н.
(фамилия, имя, отчество, должность, ученая степень, ученое звание)

Задание принял к исполнению (дата): 24.10.2024

(подпись студента)

РЕФЕРАТ

Магистерская диссертация содержит 87 страницы, 100 источников, приложение.

ЧАСТУШКИ, ФОЛЬКЛОР, ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА, НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ, ФИЗИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ МОДУСЫ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ РУССКИХ ЧАСТУШЕК

В работе исследованы физические и духовные модусы образа человека в русских частушках, а также выявлены особенности отражения национального менталитета в народных представлениях о человеке.

Цель – изучить образ человека с позиций лексико – семантической реализации и отражения менталитета нации в русских частушках

Основу методологии исследования составляют контент-анализ, типологическое сравнение, описательный метод, а также методы интерпретации и классификации текстов.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
1 Образ человека в русских частушках: лингвистические подходы и особенности менталитета	9
1.1 Частушка как источник народного представления образа человека в русских частушках	9
1.2 Подходы к лингвистическому описанию образа человека	13
1.3 Особенности менталитета русского народа в национальном лингвистическом контексте	23
2 Частушка как источник представлений о человеке: лексико – семантический анализ образа и отражение менталитета	40
2.1 Лексико – семантическая реализация образа человека в русских частушках: физические и духовные модусы	40
2.2 Отражение менталитета нации в русских частушках о человеке	72
Заключение	78
Библиографический список	84
Приложение А Примеры русских частушек с различными образами	88

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Фольклорный текст является значимым источником для изучения этнической идентичности. Устное народное творчество отражает устойчивые представления народа о себе и окружающем мире. Интерес к языку и структуре фольклора, возникший в XIX веке, сохраняется в научной традиции и продолжает развиваться. Современные исследования показывают, что фольклор и язык как коллективные и анонимные формы культуры позволяют выявить особенности мышления, ценностей и поведения этноса.

Понятие «народное искусство» не охватывает всей системы представлений, закреплённой в традиционной культуре. Фольклорная модель мира не фиксирует индивидуальные события, а формирует обобщённое представление о норме. Такое представление связано с земледельческой культурой и отражает типичное восприятие мира в стабильной социальной системе.

Фольклор играет важную роль в сохранении и передаче культурных норм. Он связан с различными аспектами жизнедеятельности человека, включая материальную и духовную сферы. Благодаря функциональной связи фольклора со всеми сторонами жизни человека, его культурой – как материальной, так и духовной он отражает образ мыслей и представлений, чувства и надежды народа и обладает значением «голоса народа».

Центральное место в любой этнической картине мира занимает человек. В ней отражаются наивные представления о внутреннем мире человека, конденсируется опыт интроспекции десятков поколений, и в силу этого она служит надёжным проводником в этот мир.

В данной научной работе основное внимание уделяется рассмотрению человека в частушках с точки зрения его физических и духовных аспектах. В большинстве исследований частушка изучается как юмористический или социально–

критический жанр, что ограничивает понимание её содержания. Однако значительное число текстов содержит размышления о внутреннем мире человека, его поведении и месте в системе нравственных координат.

Анализ образа человека в частушках позволяет уточнить особенности представлений о духовной сфере в народной культуре. Русская ментальность включает представления о моральных качествах, совести, ответственности. Частушка как жанр фиксирует изменения в оценках, связанных с религиозными и нравственными нормами. Это делает возможным использование материала для анализа изменений в коллективных установках в разные исторические периоды.

В условиях культурной глобализации возрастает интерес к вопросам идентичности и сохранения ценностных ориентиров. Обращение к частушке позволяет зафиксировать устойчивые элементы национальной традиции. Исследование образа человека в фольклорных текстах позволяет выявить взаимодействие физического и духовного компонентов, а также их роль в формировании целостного представления о человеке в этнокультурной системе.

Изучение человеческого тела и души как феномена активно проводится этнологами, культурологами, литературоведами, лингвистами и фольклористами Ю. Д. Апресяна, Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина, Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Н. И. Жинкина, Г. В. Колшанского, О. А. Корнилова, А. Вежбицкой, В. Б. Касевича., Д. С. Лихачева, С. А. Аскольдова, Ю. С. Степанова, В. В. Колесова, Урысон, А. Д. Шмелевым, Е. Б. Яковенко, Е. С. Яковлевой и др.

Научная новизна исследования заключается в системном подходе к изучению образа человека в русских частушках, где он рассматривается не только как литературный персонаж, но как носитель народного мировоззрения. Новизна также заключается в привлечении широкого корпуса текстов частушек различных регионов России, включая как традиционные, так и поздние, постсоветские тексты, что позволяет выявить как устойчивые элементы, так и черты эволюции фольклорного образа.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования его результатов в области культурологии, фольклористики, антропологии, а

также в преподавательской практике – при составлении учебных курсов по фольклору, русской литературе и культурной антропологии. Результаты могут быть применены также в сфере межкультурной коммуникации, популяризации фольклора и сохранения нематериального культурного наследия.

Объект данной курсовой работы – русские частушки.

Предмет исследования – образ человека.

Эмпирическую базу исследования составляют частушки.

Цель нашей работы – изучить образ человека с позиций лексико – семантической реализации и отражения менталитета нации в русских частушках:

- описать основные лингвистические подходы к анализу образа человека в языке;
- выявить особенности русского менталитета, отражённые в лингвистическом материале;
- провести лексико–семантический анализ образа человека в русских частушках с учётом физического и духовного аспектов;
- установить, каким образом в частушках отражаются представления о человеке и национальные ментальные установки.

Методологическую основу исследования составляют принципы структурно–семантического, лингвокультурологического и историко–функционального анализа, а также элементы фольклорно–антропологического подхода. В качестве основных методов использовались: контент–анализ, типологическое сравнение, описательный метод, а также методы интерпретации и классификации текстов.

Практическая значимость курсовой работы заключается в том, что материалы данной работы, полученные знания и выводы могут быть использованы на практике в различных пособиях для студентов–филологов. Помимо этого, результаты исследования возможно применить в деятельности практикующего филолога.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что результаты исследования могут использоваться при дальнейшем изучении данной темы.

Апробация исследования была проведена в научных статьях «Человек в русских частушках: к целостному образу по модели Ю.Д. Апресяна», опубликована в Сборнике статей II Международной научно–практической конференции, состоявшейся 26 мая 2025 г. в г. Петрозаводске; «Телесность и духовность как аспекты образа человека в русской частушке», опубликована в Сборнике статей XXII Международной научно–практической конференции, состоявшейся 2 июня 2025 г. в г. Петрозаводске.

Структура выпускной квалификационной работы строится в соответствии с поставленными целью и задачами, включая в себя: реферат, содержание, введение, две главы, заключение, список литературы и приложение.

1 ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ ЧАСТУШКАХ: ЛИНГВИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА

1.1 Частушка как источник народного представления образа человека в русских частушках

Русская частушка – это краткий, динамичный и одновременно ёмкий жанр устного народного творчества, который занимает особое место в фольклорной традиции. Впервые оформленная в конце XIX – начале XX века, частушка возникла в период глубоких социальных и экономических преобразований, связанных с переходом от традиционного крестьянского быта к более современным формам общественной жизни. Впервые слово «частушка» употребил русский писатель Глеб Иванович Успенский в очерке «Новые народные песни» в 1889 г. Этот жанр не только служит способом самовыражения народа, но и выступает как важное зеркало, в котором отражаются народные представления о человеке, его природе, роли и статусе в обществе.

Частушка, представляющая собой короткое четверостишие, часто исполняемое в плясовом ритме, позволяет передать мимолетные переживания и оценки, характерные для определенного исторического момента. Как отмечает В.И. Симаков, «частушка выражает один момент, одно мимолетное переживание человека в данную минуту»¹. Это делает её мощным инструментом для выражения народных эмоций, суждений и стереотипов.

Особенность жанра в том, что он не только фиксирует, но и формирует представления о человеке. Через юмор, сатиру и гротеск народ артикулирует социальные нормы, идеалы и запреты, которые действуют в сообществе. Образ человека в частушках – это одновременно и описание, и оценка, и предупреждение. Он складывается из ярких, доступных для понимания широкой аудитории черт, которые легко узнаются и принимаются в качестве эталона поведения и внешности.

¹ Путилов Б.Н. Проблемы типологии этнографических связей фольклора. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. 1977. 7 с.

В историческом аспекте частушка формировалась в традиционной крестьянской среде, где личность воспринималась через призму социальных ролей и коллективных ожиданий. Здесь образ человека не был абстрактным понятием – он тесно связан с конкретными жизненными ситуациями, с землёй, семьёй, трудом, праздниками и бытовыми трудностями.

Динамичность жанра позволяет отражать изменения в образе человека, происходящие под влиянием исторических процессов. В переходный период XIX–XX веков, когда традиционная русская деревня испытывала сильное влияние модернизации и социальных потрясений, частушки активно реагировали на эти перемены, обновляя и трансформируя народные представления о человеке.

Образ человека в русских частушках, как отмечали многие исследователи, – это сложное явление, сформированное на пересечении социального, культурного и психологического опыта народа. Частушка фиксирует в себе не только внешний облик и поведение индивида, но и внутренние характеристики, связанные с мировоззрением, эмоциональным состоянием, духовными качествами.

Ю.А. Эмер акцентирует внимание на то, что образ человека в частушках чаще всего представлен через призму коллективного восприятия: «...частушка, являясь хранилищем традиционных ценностных ориентаций, фиксирует процессы производства, взаимодействия культурных смыслов, изменения ценностного поля и утверждения системы ценностей на основе коллективных представлений»².

Одним из основных средств создания образа человека в частушках является использование ярких языковых средств: эпитетов, метафор, гиперболов и иронии. Через эти приёмы народный исполнитель передаёт эмоциональную окраску и оценку персонажа. К примеру, преувеличение недостатков или, наоборот, достоинств героя служит не только для усиления комического эффекта, но и для

² Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии языкознания. 1999. №1. 8 с.

формирования определённого отношения к образу. Как отмечал В. В. Виноградов, «фольклорный текст обладает особой выразительностью, благодаря которой стереотипы и типажи становятся живыми и понятными».

Особо следует выделить двойственный характер образа человека в частушках – он может одновременно содержать и позитивные, и негативные черты, что отражает сложность народной психологии и её отношение к миру. Частушки часто изображают человека в гротескном свете, прибегая к гиперболизации, что позволяет выявить скрытые конфликты, социальные противоречия и внутренние напряжения. Такой гротеск не разрушает образ, а делает его более выразительным и «человечным» в народном понимании.

Исследователи также отмечают, что через частушки народ выражает не только оценку отдельного человека, но и отношение к типам личности, социальным ролям, гендерным образам. В частности, по мнению А. Н. Крейдлина, частушка является своеобразной «социокультурной антропологией», в которой отражаются представления о мужчине, женщине, старшем и младшем поколениях, а также о разных слоях общества³. Таким образом, жанр выступает как источник для изучения эталонов и моделей человеческого поведения, закреплённых в народном сознании.

Не менее важным элементом формирования образа человека в частушках является соотношение физического и духовного начал. Русская народная культура традиционно видит человека в единстве телесного и духовного, и частушка отражает это через разнообразные темы и мотивы. В образе человека сочетаются черты, которые показывают его внешние характеристики – здоровье, красоту, силу – и внутренние качества – доброту, ум, моральные установки. Можно подчеркнуть, что образ человека в частушках часто строится на контрастах – между телесным и духовным, что позволяет выявить глубинные народные представления о сущности человека.

³ Крейдлин А.Н. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. 2002. 468 с.

Также мы рассмотрим роль лингвистических средств, которые в частушках служат не только формой художественного оформления, но и ключевыми инструментами конструирования образа человека. Язык частушки насыщен разговорной лексикой, просторечиями, диалектизмами и экспрессивными средствами, что делает её максимально близкой к народной речи и подчеркивает её выразительность. Как отмечал Ю. Д. Апресян, языковая структура тесно связана с психологией народа, отражая его отношение к описываемым явлениям.

Тематический состав частушек, напрямую связанный с повседневной жизнью и социальной средой, становится основой для выявления устойчивых народных представлений о человеке. В частушках находят отражение не только физические характеристики – здоровье, внешность, возраст, телесные функции – но и социальные роли (муж, жена, крестьянин и профессия человека), а также поведенческие и нравственные качества. Исследовательница И. А. Климова указывала, что «через частушки народ не просто описывает человека, но и формирует модели поведения, которые считаются нормой или антинормой»⁴.

Значительно, что в частушках часто выделяются типичные человеческие качества, которые сопровождаются оценкой – как положительной, так и отрицательной. Это позволяет говорить о том, что жанр выступает не только как зеркало народного быта, но и как средство воспитания и социализации через создание эталонов человеческих качеств. В этом смысле частушка является социальным институтом, в котором «образ человека складывается из набора стереотипов, закреплённых и поддерживаемых коллективным сознанием».

Важным аспектом является и социально–исторический контекст, в котором создавались и развивались частушки. Переходный период от традиционного крестьянского общества к более урбанизированному и индустриальному накладывал отпечаток на представления о человеке, отражённые в жанре. Смена жизненных условий, новых ролей и статусов формировала и новые образы, которые фиксировались и распространялись через частушки. По словам Ю. М. Соколова,

⁴ Климова И.А. Фольклорные традиции и их отражение в современном русском языке. 2005. 216 с.

«фольклор отражает и регистрирует изменения в общественном сознании, трансформации образа человека, вызванные социальными переменами».

Таким образом, частушка как жанр устного народного творчества представляет собой уникальный источник для изучения народных представлений об образе человека. Она фиксирует не только внешние, но и внутренние характеристики, соотносит физическое и духовное, индивидуальное и коллективное, бытовое и социальное. Язык, тематика и стилистика частушки образуют целостную систему, через которую народ передает и сохраняет свои культурные смыслы и ценности, связанные с образом человека.

1.2 Подходы к лингвистическому описанию образа человека

Человек – одна из центральных категорий гуманитарного знания, неизменно находящаяся в фокусе как философского, так и лингвистического осмысления. В языке отражаются представления о человеческом теле, психике, действиях, переживаниях и ценностях. Поэтому анализ образа человека средствами лингвистики позволяет не только реконструировать его структуру в языковом сознании, но и понять, какие черты и состояния оказываются наиболее значимыми в культуре.

Лингвистическое моделирование человека включает в себя попытки описать, какие компоненты человеческой природы зафиксированы в языке, как они соотносятся между собой, как выражены на уровне лексики, грамматики, семантики, и как эти элементы организуются в рамках различных типов текстов.

Работа посвящена изучению образа человека в русских частушках – жанре народного поэтического фольклора, который, несмотря на свою краткость и экспрессивность, содержит антропологический материал. Частушка отражает бытовое, оценочное восприятие человека, проецируя на него социальные, телесные и эмоциональные характеристики. Чтобы системно описать, каким именно представляется человек в фольклорной речи, необходима опора на строго научную лингвистическую модель, способную охватить многоуровневую структуру человеческого существа. Именно поэтому в теоретической части работы рассматриваются различные подходы к лингвистическому описанию человека, с акцентом

на тех, которые позволяют реконструировать целостную, функционально организованную систему человеческих проявлений в языке.

В числе лингвистических подходов к описанию человека особое место занимает концепция Ю. Д. Апресяна, изложенная в работе «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» (1995). Данный подход представляет собой одну из наиболее структурированных и операциональных моделей лингвистической репрезентации человека. В отличие от тематических и лексико-семантических описаний, концепция Апресяна ориентирована на всестороннее и системное представление о человеке как о носителе множества состояний, способностей и форм поведения, отражённых в языке.

Основной тезис концепции заключается в том, что язык содержит устойчивую и универсальную схему, с помощью которой в сознании носителя языка формируется целостный образ человека. Эта схема является частью наивной картины мира и включает в себя как физические, так и ментальные, поведенческие и речевые аспекты человеческого существования. Апресян выделяет восемь основных подсистем, каждая из которых отражает специфический набор состояний и действий человека:

- физические восприятия;
- физиологические реакции;
- физические действия и деятельность;
- желания;
- мышление и интеллектуальная деятельность;
- эмоции;
- речь.⁵

Восприятие, согласно анализу, является наиболее автономной системой. Чистое восприятие может происходить само собой, независимо от активности

⁵Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. 1995. 67 с.

других систем. Это подчеркивает возможность видеть или слышать что-то, находясь в неподвижном состоянии и не испытывая желаний, эмоций или физической активности.

Физическая деятельность и желания оказываются менее автономными по сравнению с восприятием. В отличие от восприятия, которое может происходить само собой, физическая активность, особенно целенаправленная, требует участия желаний и мотивации. Это подтверждает необходимость наличия желаний для выполнения сложных действий, таких как строительство, решение задач и другие целенаправленные виды деятельности.

Желания, как утверждается, могут быть основаны на показаниях органов чувств. Например, простейшие желания, такие как желание есть, могут быть связаны с физиологическими потребностями, ощущаемыми через тело.

Эмоции и речь оказываются наименее автономными системами в человеке, при этом она наиболее тесно взаимодействуют с другими системами.⁶

Ю.Д. Апресян подчеркивает, что основные речевые акты требуют параллельного участия по меньшей мере трех других систем: интеллекта, желаний и физической активности. Это проявляется в том, что большинство речевых актов предполагают наличие у говорящего определенного мнения о знаниях слушающего, мотивацию изменить знания слушающего и физическую активность, связанную с работой артикуляционных органов.

Кроме того, речевые акты могут быть сопровождаемы различными эмоциями или быть направлены на вызов определенных эмоций у адресата. Это свидетельствует о том, что эмоции тесно связаны с процессом коммуникации и оказывают существенное влияние на ее характер

Акцентируем внимание на том, что каждая система в человеческом организме состоит из многочисленных подсистем, что является важным аспектом его функционирования. Например, в рамках системы восприятия выделяются такие подсистемы, как зрение, слух, обоняние и другие. В системе интеллекта можно

⁶ Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. 1991. 125 с.

выделить подсистемы, такие как знание, вера, уверенность, понимание и мнение. Речь включает различные речевые акты, которые также могут рассматриваться как подсистемы данной системы.

Каждая из этих систем имеет характерное лексическое выражение, набор семантических примитивов и связанную с ними телесную или психическую реализацию образа человека. Так, система физических восприятий включает глаголы и конструкции, обозначающие зрение, слух, обоняние, вкус и осязание, и связана с органами чувств. Система действий и деятельности охватывает глаголы, описывающие движения, труд, манипуляции с предметами и т.п. Ментальные процессы, такие как мышление, знание, суждение и запоминание, локализуются в сознании и выражаются через соответствующие глагольные и предикативные структуры. Речевая система отражает коммуникативные действия, такие как сообщение, просьба, обещание, хвастовство, жалоба и другие.

Модель Апресяна опирается на идею соответствия между семантическими категориями и универсальными когнитивными механизмами, предполагая, что язык отражает типовые состояния и действия человека не в произвольной, а в упорядоченной форме. Особое внимание уделяется семантическим примитивам – минимальным неделимым единицам значения, соответствующим базовым человеческим состояниям и действиям. Значительная часть этих примитивов соотносится с универсалиями, предложенными в работах А. Вежбицкой.

Для исследования представленный подход имеет прикладное значение. В практической части магистерской работы системная модель Апресяна используется для анализа языковой репрезентации образа человека в тексте русских частушек. Это обусловлено тем, что указанная модель позволяет классифицировать лексические и семантические единицы по типу отражаемых человеческих состояний и действий, выявлять структуру языкового образа человека в традиционном фольклорном дискурсе, а также фиксировать типовые формы поведенческой и ментальной активности, закреплённые в малых жанрах.

Анна Вежбицкая, одна из ведущих исследовательниц в области лингвокультурологии, развивает подход к изучению образа человека в языке, опираясь

на идею, что язык представляет собой не просто систему знаков, а средство конструирования культурно обусловленных смыслов. В её работах образ человека рассматривается как часть культурной картины мира, то есть как совокупность представлений, закреплённых в языке и культуре, с помощью которых носители языка моделируют и осмысливают действительность.

Центральным понятием в теории Вежбицкой являются *семантические примитивы* – минимальные универсальные смысловые единицы, общие для всех языков. Эти примитивы служат базисом для описания любых понятий, в том числе связанных с образом человека. Например, примитивы «человек», «делать», «хорошо», «плохо», «думать», «хотеть» позволяют построить простейшие описания как физических, так и ментальных явлений.⁷

С помощью набора семантических примитивов Вежбицкая предлагает систематизировать язык эмоций, действий и состояний, тем самым выявляя универсальные структуры, лежащие в основе различных культурных выражений.

По мнению Вежбицкой, эмоции – это не только психологические переживания, но и культурно маркированные категории, которые язык фиксирует с помощью специализированных лексических и грамматических средств.

Выделяются ряд базовых эмоций (грусть, радость, страх, злость и др.), каждая из которых имеет свой языковой код. Например, эмоция «тоска» в русском языке не только выражается лексически, но и связана с определённым культурным смыслом – состоянием внутренней боли, связанной с утратой или разлукой. Это понятие часто ассоциируется с такими духовными категориями, как «душа» и «судьба».

Важное место в анализе Вежбицкой занимает категория «душа». В языковой культуре русского народа слово «душа» не ограничивается физическим или биологическим значением, а обозначает духовную сущность человека, его внутренний мир, переживания, моральные и эмоциональные состояния.

⁷ Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. 2001. 288 с.

Лингвокультурный анализ показывает, что «душа» в русском языке тесно связана с такими понятиями, как «тоска», «печаль», «радость» и отражает мировоззренческие установки народа, в том числе отношение к судьбе и жизни.

Категория «судьба» в русской культуре, по Вежбицкой, – это не просто случайное стечение обстоятельств, а сакральная концепция, выражающая неизбежность жизненного пути человека, его предназначение и смысл существования. В языке судьба часто соотносится с эмоциональными состояниями и духовными переживаниями, что показывает комплексный характер репрезентации человека как субъекта с биологическими, эмоциональными и духовными измерениями.

Как и Ю. Д. Апресян, Вежбицкая выделяет важность категории деятельности – совокупности физических действий и эмоций, которые человек способен осуществлять. При этом деятельность рассматривается не только как физиологический процесс, но и как осмысленное действие, обусловленное внутренними состояниями и культурным контекстом.

Современная лингвистика рассматривает язык не только как средство коммуникации, но и как систему концептуального отражения действительности. Одним из ключевых аспектов этой системы является формирование образа человека – носителя телесных, психических и социальных характеристик, значимых с точки зрения культурной нормы. В рамках языковой концептуализации мира человек не описывается напрямую, но репрезентируется через совокупность лексических, грамматических и прагматических средств, отражающих ценности, установки и ожидания конкретного социума.

Данная перспектива особенно активно развивалась в русской лингвистике конца XX – начала XXI века, в частности в работах И. В. Булыгиной и А. Д. Шмелёва, где на первый план выдвигается интерпретация языка как формы коллективного знания о мире, включающего и нормативные представления о «правильном» человеке.

В ряде своих работ И. В. Булыгина предлагает рассматривать лексику, описывающую человека, через призму оценки. Ключевым механизмом здесь выступает биполярная классификация признаков, выражаемых в языке в антонимических парах: «добрый – злой», «умный – глупый», «трудолюбивый – ленивый» и др.⁸ Эти дихотомии, по мнению исследовательницы, не являются исключительно лексическими, но представляют собой результат устойчивой ментальной категоризации, формирующей нормативную шкалу восприятия человеческих качеств.

Особенно значимо то, что оценка, реализуемая в языке, часто проявляется не в прямом назывании признака, а в косвенных и культурно опосредованных формах – через фразеологизмы, синтагматические связи и лексическую сочетаемость. Например, прилагательное «добрая» в сочетании с «душа» формирует устойчивый положительный конструкт, в то время как та же «душа» в контексте «душа чёрная» несёт резко негативную коннотацию.

Оценочные структуры в языке, по Булыгиной, являются отражением социального порядка и моральных ориентиров, выполняя функцию символического регулирования поведения. В фольклоре, в частности в частушках, подобные лексические конструкции приобретают повышенную экспрессивность: они не только характеризуют, но и маркируют границы дозволенного и отклоняющегося в традиционной культуре.

Развивая идеи концептуальной семантики, А. Д. Шмелёв акцентирует внимание на культурно–специфической лексике, фиксирующей ментальные модели типичного представителя нации. Утверждая, что язык функционирует как средство передачи культурных сценариев – устойчивых схем поведения, эмоциональной реакции и отношения к миру, закреплённых в лексике и грамматике.

Так, в русском языке образ женщины нередко концептуализируется через оппозиции «страдающая / терпеливая», «самоотверженная / покорная», тогда как

⁸ Булыгина Т.В. Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. 1997. 84 с.

образ мужчины – через сочетание «силы духа» и социального бездействия («лентяй», «лежебока», но «всё стерпит», «богатырь»). Эти конструкции не являются нейтральными: они отражают аксиологические установки, встраиваясь в коллективное представление о «настоящем человеке».

Шмелёв подчёркивает, что особенно важно изучать такие ментальные доминанты в малых жанрах, где стилистическая сгущённость и культурная репрезентативность достигают наивысшей концентрации. Частушка как жанр является своего рода вербальным документом народной морали, фиксирующим социальные роли и связанные с ними аттитюды. Лексические средства в частушках не просто описывают человека, а оценивают, типологизируют, утверждают или высмеивают его поведение.

Оценочно–классификационный подход Булыгиной и культурно–лингвистическая методология Шмелёва позволяют рассматривать образ человека в языке не как произвольный набор характеристик, а как структурированную систему, отражающую ценностную и когнитивную картину мира. Эти подходы особенно продуктивны для исследования фольклорных текстов, где личность подаётся через максимально сжатые и репрезентативные языковые формы.

Проведённый обзор лингвистических концепций позволяет выявить многоаспектный характер языкового описания человека как категории, находящейся на пересечении лексической, семантической и культурной систем. Каждое из рассмотренных направлений – системно–семантический подход Ю. Д. Апресяна, этнолингвистическая модель А. Вежбицкой, оценочная лексикография И. В. Булыгиной и культурно–языковой анализ А. Д. Шмелёва – предлагает самостоятельную, но взаимодополняющую оптику, необходимую для комплексного анализа образа человека в языке и в фольклорных текстах.

Ю. Д. Апресян, опираясь на понятие «наивной картины мира», представляет человека как совокупность восьми систем (от физиологических состояний до речевой деятельности), каждая из которых может быть описана средствами языка. Эта модель позволяет исследовать лексико–семантические структуры, ре-

презентирующие как физические, так и ментальные, эмоциональные и поведенческие аспекты человека. Методологическая ценность подхода Апресяна состоит в его универсальности: предложенная им классификация даёт возможность системно интерпретировать вербализованные образы в любом дискурсе, включая фольклорный.

А. Вежицкая подходит к описанию человека через универсальные семантические примитивы и культурно специфичные концепты. Она демонстрирует, что эмоции, моральные установки и действия описываются в языке через ограниченный набор универсальных смыслов, но проявляются по-разному в зависимости от культурной среды. Для русскоязычного пространства, по Вежицкой, характерны такие ключевые концепты, как душа, тоска, судьба, терпение, – они отражают специфическую ментальность и находят регулярное выражение в фольклоре, особенно в жанрах, основанных на эмоциональной экспрессии, таких как частушка.

И. В. Булыгина фокусируется на оценочном потенциале языка в описании человека. Ключевыми для неё являются бинарные оппозиции типа добрый / злой, умный / глупый, трудолюбивый / ленивый, которые организуют лексическую систему вокруг моральных и поведенческих нормативов. В контексте частушек этот подход позволяет объяснить устойчивые модели народной оценки: персонажи в них часто маркируются не как индивидуальные субъекты, а как носители социокультурных оценок.

А. Д. Шмелёв, развивая культурно–лингвистический подход, показывает, что язык фиксирует типизированные представления о человеке, которые выражают коллективное сознание. Через изучение лексических предпочтений, сочетаемости и контекстов он выявляет доминирующие ментальные схемы, например: женщина как страдающая, терпеливая; мужчина как сильный, пьяный, непокорный⁹. Это даёт возможность анализировать частушки не как частные речевые акты, а как маркеры национально–культурной картины мира.

⁹ Булыгин И.В. Содержательность художественной формы русского былевого эпоса. 1977. 67 с.

Таким образом, совокупность рассмотренных подходов образует методологическую основу для системного анализа образа человека в русских частушках. Эти подходы позволяют не только описывать лексические и семантические характеристики персонажей, но и реконструировать ценностные ориентиры и ментальные установки народной культуры, зафиксированные в устойчивых фольклорных формах.

1.3 Особенности менталитета русского народа в национальном лингвистическом контексте

В современных гуманитарных науках понятие менталитет или ментальность активно используется при изучении национального сознания и культурных установок. В научной литературе эти термины трактуются по-разному: одни исследователи рассматривают их как синонимы, другие – как категории с соотношением общее – частное. Подходы к определению и анализу менталитета различаются в зависимости от предметной области.

О. Г. Усенко выделяет несколько научных подходов к исследованию менталитета: философский, культурно–антропологический, социологический и психологический. Философский подход ориентирован на выявление универсальных черт духовной культуры, свойственных человечеству в целом. Культурно–антропологический подход акцентирует внимание на специфике мышления и поведения представителей различных этносов и эпох, и именно в рамках этого подхода в научный оборот вошли термины «менталитет», «парадигма сознания», «картина мира», «стиль мышления» и др. Социологический подход позволяет установить связь между индивидуальными чертами личности и её положением в социальной структуре. Психологический подход анализирует менталитет, исходя из категорий «установка», «ценностные ориентации», «стереотип», «архетип», фокусируясь на переходе от индивидуального к общественному.¹⁰

¹⁰ Усенко О.Г. К определению понятия «менталитет». 1994. 6 с.

К указанным подходам следует добавить лингвистический, который получил широкое распространение в последние десятилетия. Он представлен в работах таких исследователей, как А. Вежбицкая, В. В. Колесов, О. А. Корнилов, А. А. Мельникова, А. Д. Шмелёв, и др. Лингвистический подход рассматривает менталитет как отражённый в языке способ восприятия и концептуализации действительности, специфичный для носителей определённой культуры. В рамках настоящего исследования основной акцент делается именно на лингвистической интерпретации менталитета, поскольку язык представляет собой наиболее стабильный и доступный для анализа способ фиксации культурных установок.

В данной главе рассматриваются основные подходы к исследованию феномена менталитета, а также анализируется роль национально-языковой картины мира в его формировании.

В гуманитарных науках используется ряд понятий, близких к термину «менталитет» и применяемых для описания схожих феноменов. К таким понятиям относятся «общественное сознание», «национальный характер», «массовое сознание». Несмотря на семантическую близость, указанные категории не являются тождественными и требуют разграничения.

Понятие общественное сознание сформировалось в рамках историко-материалистической парадигмы и противопоставляется общественному бытию. Оно определяется как сложное духовное образование с внутренней структурой, включающей уровни (обыденное и теоретическое сознание, идеология и общественная психология) и формы (мораль, религия, философия, искусство, наука и др. В отличие от общественного сознания, менталитет охватывает лишь те его аспекты, которые связаны с устойчивыми установками и моделями восприятия, характерными для конкретной этнической, национальной или социальной группы. При рассмотрении национального менталитета акцент, как правило, делается на уровне обыденного сознания.

Понятие национального характера также нередко используется при описании особенностей национального сознания. Некоторые исследователи считают его синонимичным менталитету, однако в научной традиции различие между

этими терминами фиксируется. Национальный характер трактуется как совокупность устойчивых личностных черт, либо как система доминирующих в обществе установок, ценностей и представлений. В отличие от характера, менталитет является менее проявленным и менее осознанным феноменом. Он соотносится с глубинными структурами коллективного бессознательного и выступает основой формирования характерологических черт. Национальный характер проявляется в действиях, формах поведения и повседневных реакциях, тогда как менталитет может оставаться латентным. Согласно позиции В. В. Козловский, менталитет представляет собой фундаментальное образование по отношению к национальному характеру и находится с ним в соотношении базисного и производного. Для обозначения аналогичных понятий в русской философской и культурологической мысли традиционно использовались выражения «душа народа», «народный дух», «национальная идея», «национальный характер»¹¹.

Менталитет не является статичной системой – он подвержен эволюции. Однако даже при изменениях лексического и когнитивного уровней сохраняются глубинные ориентиры: эмоциональные матрицы, архетипические представления, культурно–историческая направленность. Утрата ментально–лингвального комплекса – по сути, утрата этнической идентичности.

Ярким примером влияния среды на менталитет служит русский национальный характер, сформированный в условиях географической необъятности и сурового климата. Этот фактор находит отражение в языке, как показывает исследование А. Зализняк, проанализировавшей значение глагола добираться. В русском восприятии путь по пространству – не столько перемещение, сколько борьба с расстоянием, преодоление множества препятствий. Само движение воспринимается как труд, связанный с непредсказуемостью и длительностью. Как отмечает исследователь, это переживание выливается в нарративах о пространстве как чем–то неуправляемом и мало поддающемся рациональному освоению.

¹¹ Козловский В.В. Понятие ментальности в социологической перспективе. 1997. 4 с.

Особая роль в русской языковой картине мира принадлежит категории простора. **Простор** – это не просто физическая протяженность; это состояние внутренней свободы, отсутствия ограничений, возможности выбора и дыхания «во всю грудь». Простор противоположен замкнутости, давлению, стеснённости, и потому так эмоционально значим. Слова даль, ширь, приволье, раздолье несут не только денотативный, но и ярко выраженный аксиологический оттенок. Они свидетельствуют о том, что для русского сознания пространство – не просто географическая данность, а глубоко внутренний, экзистенциальный ресурс.

Именно это обстоятельство, по мнению Н. А. Бердяева, составляет фундаментальную особенность русской души. Пространство в России – не внешнее, а духовное явление, оказывающее формообразующее воздействие на внутренний мир человека. Необъятность пространства становится метафорой внутренней широты, но и источником неустойчивости, беспомощности перед хаосом. В этом – объяснение как величия, так и трагичности русской ментальности: она не «сжата», не организована по европейскому образцу, не экономит усилия, а напротив – распахнута, открыта, неограниченна и в то же время неструктурирована.

Анализируя менталитет через призму лингвокультурных особенностей, А. Д. Шмелев в работе «Широта русской души» демонстрирует, как ценностные установки национального сознания закрепляются в языке. В центре его внимания – образ «широкого человека», который противопоставляется мелочному, узкому, ограниченному. В русской культуре «**широта**» – это не только пространственная характеристика, но и нравственная: она связана с щедростью, открытостью, великодушием, стремлением к всеобъемлющему взгляду на мир и на других. Жить «на широкую ногу» – не просто потребительская установка, а проявление внутреннего душевного размаха, не терпящего мелочности, скупости и расчёта. Таким образом, широта превращается в этическую доминанту, в символ положительно окрашенного национального качества.

Интересным в этом контексте является понятие удали – ещё одного национально маркированного концепта, восходящего к корню даль. **Удаль** – это не

просто смелость, а энергия действия, требующая простора, раскрывающаяся в безудержной езде, в силовом порыве, в движении «вперёд и вширь». По наблюдению Н. Фёдорова, простор не развивает в человеке внутреннего упорства, но питает удаль – качество экстравертное, импульсивное, связанное с силой, но не обязательно с организованностью. Удаль – это ещё одна грань русской широты, активной и демонстративной, лишённой рационального сдерживания.

С тем же понятийным полем связана и **русская тоска**, чья семантическая непереводаемость отмечалась многими исследователями, в том числе Анной Вежбицкой. Используя метод семантических примитивов, она определяет тоску как болезненное стремление к чему-то неясному, но недостижимому – переживание, лишённое предметной направленности, но наполненное глубинной экзистенциальной тягой. Это не просто печаль, а чувство метафизической утраты, возможно, памяти о «небесном отечестве» или предощущения иного, неосуществимого бытия. Именно связь с бескрайним пространством, с невозможностью обуздать и оформить внутреннее и внешнее, способствует рождению тоски как фундаментального чувства, пронизывающего русскую литературу и народную поэзию.

Близка по значению и категория воли, которая, в отличие от свободы, обладает особой русской спецификой. **Свобода** – слово юридического и городского происхождения, связанное с понятием прав, границ, общественного договора. В то время как воля – понятие степное, пространственное, природное, связанное с ощущением полной, ничем не ограниченной свободы. Об этом писал Д. С. Лихачёв, указывая, что воля – это свобода, растворённая в пространстве. Если свобода регулируется законами, то воля противостоит самой идее регулирования¹². Она идёт от природы, а не от общества; от личного внутреннего ощущения, а не от договорного права.

Итак, широта, тоска, удаль, воля – это не просто отдельные слова, а концепты, формирующие ядро русской ментальности. Они раскрывают внутреннее

¹² Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка. 1993. № 1. 7 с.

пространство русской души как открытое, эмоционально насыщенное, наполненное напряжением между стремлением к безмерному и невозможностью его удержать. Все эти понятия связаны с категорией простора – физического и духовного – и образуют сложный ментально–лингвистический комплекс, в котором чувственная свобода, тоска по бесконечному и стремление к жизненному размаху становятся фундаментальными установками русской культуры.¹³

В лингвокультурной традиции различаются два базовых типа времени – циклическое и линейное. Представление о циклическости характерно для всех народов мира и опирается на природные ритмы: вращение Земли, смену дня и ночи, чередование сезонов. Такие явления, как сутки и год, даны человеку как объективные структуры, которые сознание и язык лишь фиксируют, тогда как более детальное членение времени уже определяется культурными и языковыми особенностями.

В славянской традиции год делился не на четыре времени года, а на два – зиму и лето, с межевыми днями–праздниками, такими как Иван Купала и Рождество. Счёт времени в народной культуре шёл не по абстрактным месяцам, а по жизненным ритмам – праздникам, постам, хозяйственным циклам. Это формировало особую событийно–ритуальную систему восприятия времени. В наивной картине мира оно осмысливается как повторяющийся круг – «жизненные круги», связанные с природой и космосом. Такое восприятие подчеркивает включённость человека в естественный ритм и преемственность поколений.

Противоположным типом является линейное время, основанное на научных и исторических концепциях. Оно необратимо, однонаправлено и делится на прошлое, настоящее и будущее. Особое внимание при этом уделяется точке присутствия, в которой находится человек. Эта точка соединяет известное прошлое, переживаемое настоящее и неведомое будущее, тем самым подчеркивая субъективность и антропоцентризм любой модели времени: «точка движется, вместе с

¹³ Шмелев А.Д. Историческая память слова в прозе Александра Солженицына: мир и воля. 2013. 23 с.

нею движется время, а вместе с временем движется по линии времени событийный мир».

В рамках исследования языковых моделей времени Н.Д. Арутюнова выделяет два типа: модель Пути человека и модель Потока времени. В первом случае главным становится сам человек, а движение времени осмысляется через его путь. В таких моделях активны пространственные метафоры: идти, приходить, наступать, следовать, а также ориентиры движения – вперед, позади, после. Эти метафоры формируют пространственно–временную картину мира, в которой человек представлен как путник, движущийся по осмысленной траектории.

П.Д. Арутюнова, исследуя модель Пути, указывает на принципиально иную временную ориентацию в традиционной культуре. В её центре – движение не в будущее, как это принято в современном мире, а в прошлое: человек обращён лицом к прошлому, которое ему доступно и известно, тогда как будущее остаётся «за спиной». Это движение осуществляется по Традиционному пути: «впереди шествуют предки, за ними идут потомки... Прошедшее открыто взгляду путников. Будущее открывается им по мере перехода в настоящее прошедшее»¹⁴

Такое представление времени отражает культурно специфическую аксиологию: прошлое как хранилище смысла, нормы и устойчивости. Именно в прошлом содержатся заветы предков, образцы поведения, сакральный опыт. С этой концепцией согласуются и данные других культур. Аналогичные представления зафиксированы в древнегреческом языке, где человек также «смотрел в прошлое», а не в будущее.

Идея ориентации человека во времени была характерна для многих культур древности и средневековья. Только начиная с середины I тысячелетия до н.э., под влиянием мессианских и эсхатологических представлений, акцент смещается на будущее как сферу надежды, ожидания, грядущего преображения. Это

¹⁴ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 1999. 800 с

привело к так называемому «психологическому повороту лицом к будущему» и радикальной перестройке временной картины мира.

Таким образом, лингвокультурные модели времени – будь то циклические или линейные, «путь человека» или «поток времени» – не просто описывают хронологическую реальность, но формируют особую антропологическую позицию, моделируя человека как сущность, укоренённую либо в традиции и прошлом, либо в проектности и будущем. Эти модели тесно связаны с мироощущением, менталитетом, типами культурного опыта и даже типами письменности. Через язык проявляется культурная философия времени, в которой заключён и образ самого человека – как носителя, продолжателя и интерпретатора времени.

Таким образом, в русском языковом сознании мы наблюдаем устойчивое сосуществование двух разнонаправленных тенденций: с одной стороны – стремление к действию, к целеполаганию, к активному преобразованию действительности (что отражается в современной модели Пути и в лексике прогресса), с другой – ощущение непредсказуемости жизни, фатализма, зависимости от обстоятельств. Эта амбивалентность получает отражение и в синтаксических конструкциях, используемых в повседневной речи.

Как отмечает А. Вежбицкая, различия в синтаксическом оформлении подобных конструкций указывают на два принципиально различных способа восприятия мира – агентивный и пациентивный подходы. Агентивный подход предполагает, что субъект активно действует, управляет происходящим (я сделаю, я решу), в то время как пациентивный подход – что события случаются с человеком помимо его воли (так получилось, мне не работается, не пишется, образовалось).¹⁵ Эти различия носят не только грамматический, но и мировоззренческий характер.

Анализ семантики слова «мир» и сопряжённых с ним онтологических и аксиологических оппозиций позволяет выявить фундаментальные принципы организации русской языковой картины мира (ЯКМ). Многообразие значений слова

¹⁵ Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых. 2001. 44 с.

«мир» – от «вселенной» до «общины» – объединяется общей идеей гармонии, упорядоченности и укоренённости в пространстве «своего». Первоначальное значение как «обжитого пространства», населённого родными, расширяется в направлении универсального космического порядка, отражая исторический путь перехода от локального к глобальному в русской ментальности. Такое развитие отражает склонность русской культуры к холистическому восприятию бытия, в котором космос противопоставляется хаосу, а «лад» между «своими» ценится выше, чем дипломатическое прекращение войны.

Онтологическое измерение русской ЯКМ формируется на основе дуалистического противопоставления «земного» и «небесного», «горнего» и «дольного», что проявляется не только в языке, но и в ценностных ориентирах культуры. Эта бинарная структура является специфической чертой русской ментальности, обусловленной православной традицией, не допускающей нейтральной аксиологической зоны. Напротив, система категорий в русском языке и мышлении организована по принципу чёткой оппозиции: истина – правда, долг – обязанность, радость – удовольствие, душа – тело, каждая из которых несёт различный ценностный заряд. Высшее ассоциируется с духовным, подлинным, а низшее – с телесным, приземлённым, преходящим.

Русская культура демонстрирует не только вертикальную шкалу ценностей, но и их радикальную поляризацию: отсутствует «срединная» или «нейтральная» зона, допускаемая, например, в западной христианской традиции через идею чистилища. Это приводит к формированию чёрно–белых моделей поведения и восприятия человека, что проявляется в лексических крайностях: от подлеца и мерзавца до прекраснейшего и чистейшего. Таким образом, в рамках русской ЯКМ формируется особый тип мировосприятия, основанный на идее «мира» как идеального порядка среди «своих» и бинарной ценностной структуре, закреплённой в языке, культуре и менталитете.

В целом, концепт «мир» в русском языке выступает как ключевой символ укоренённости, порядка и духовной целостности, а противопоставление «гор-

него» и «дольного» определяет ценностную вертикаль, структурирующую русское сознание. Эта модель воспроизводит мировоззренческую установку, в которой всё существующее оценивается сквозь призму принадлежности к добру или злу, святому или грешному, своему или чужому – без промежуточных форм. Именно в этом дуализме и аксиологической радикальности проявляется уникальность русской культуры и её языкового выражения.

Особую роль в русской национальном менталитете играет концепт души, который, по справедливому замечанию Вежбицкой, является ключевым для русской культуры. **Душа** в русском понимании – это не абстракция и не метафора, а внутренний орган особого рода. Она «находится» внутри человека, как и сердце, но её нельзя увидеть ни при каких обстоятельствах. Это орган, через который человек чувствует, предчувствует, страдает, любит, верит, сомневается. Душа в русском сознании – не толькоместилище эмоций, но и глубинной этики, совести, смысла жизни.¹⁶

Языковые конструкции типа в душе я знал, на душе тяжело, душа радуется, от души смеяться, говорить по душам свидетельствуют о том, что душа представляется местом, в котором сосредоточено всё наиболее важное и подлинное в человеке. Это пространство подлинного «я», сокровенного внутреннего содержания, в отличие от разума (ум) или тела¹⁷. Таким образом, именно душа становится в русской культуре и языке носителем истинной личности – не деятель, а переживающий, не преобразующий, а слышащий и чувствующий.

В этом заключается важное отличие русской лингвокультурной модели человека от западной: акцент смещён с рационально–волевого начала на эмоционально–интуитивное, с внешнего действия на внутреннее состояние. Именно душа – а не «я», не «ум», не «воля» – оказывается у нас в центре описания личности, её подлинной сути. Поэтому даже такая лексема, как бездушный, несёт в

¹⁶ Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. 2011. 78 с.

¹⁷ Лихачёв Д. С. Концептосфера русского. 1993. 5 с.

себе мощный негативный заряд, противопоставляя человека, утратившего душу, настоящему человеку.

Как отмечается в исследованиях, «душа дана человеку Богом, она бессмертна и после смерти человека возвращается в потусторонний мир». Это придаёт душе не только экзистенциальное, но и сакральное значение, выводя её за рамки сугубо биологического или психического феномена.

Понятия «**душа**» и «**дух**» на первый взгляд кажутся близкими, однако интуитивно и семантически в русском языке они различаются и выполняют разные функции в языковой модели человека.

Начнём с «анатомического» понимания слова **дух**. Выражения вроде затаить дух, дух захватывает напрямую ассоциируются с процессом дыхания и могут быть без ущерба смыслу заменены на затаить дыхание, дыхание захватывает. Е. В. Урысон подчёркивает, что «слово дух содержит указание на тесную связь между процессом дыхания и той невидимой летучей субстанцией, которая в результате этого процесса находится в груди человека».¹⁸

Другой аспект семантики слова дух представлен в выражениях испустить дух, Дух вон, которые фиксируют его понимание как особой субстанции – «летучего вещества жизни». В отличие от души, дух не выступает как внутренний орган или место внутренней жизни человека. Это скорее особая жизненная субстанция, нематериальная и летучая, противопоставляемая телу – материальной оболочке человека.

Здесь уместно вспомнить традиционное христианское триединство – учение о человеке, согласно которому он состоит из **духа, души и тела**. При этом дух, согласно языковому материалу, не отождествляется с личностью субъекта и не является средоточием внутреннего мира. Он предстает как «частица некоего единого начала, единой субстанции, находящейся внутри человека».

¹⁸ Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. 2003. 28 с.

В совокупности анализ слов «душа» и «дух» свидетельствует о том, что в русской языковой модели человека закреплено весьма специфическое представление о мире и человеческой природе. Внутри человека существуют не только материальные, физические органы и субстанции – сердце, желудок, кровь и т.п., – но и невидимые, нематериальные сущности, каковыми являются душа и дух. Несмотря на их сверхъестественный статус, они воспринимаются в языке как аналоги материальных органов и субстанций: душа ассоциируется с внутренними органами – как носитель чувств, желаний и внутренней жизни, дух – с субстанциями внутри тела, связанными с дыханием и жизненной силой.

Рассмотрение этимологии слова «**истина**» также позволяет выявить важные культурно–семантические пласты. В. Н. Топоров в 1958 году предложил связывать древнерусское, старославянское слово *исть* с местоимением, состоящим из двух других местоимений – *is-to-*, что переводится как «тот самый, именно тот». Однако, по мнению Ю. С. Степанова, к которому мы присоединяемся, естественное происхождение абстрактного значения «истина» от подобного местоимения кажется маловероятным и не проясняет содержания данного понятия.

Более убедительной представляется этимология, предложенная А. И. Соболевским ещё в 1891 году. Он рассматривал древнерусское и старославянское прилагательное *исть* как параллель латинскому слову *iustus* – «справедливый, добросовестный, законный», которое происходит от существительного *iūs, iūris* – «справедливость; законное право; право (в юридическом смысле)». Это объяснение позволяет увидеть концептуальную среду, в которой формировалось понятие истины.¹⁹

Данное толкование подтверждается и значением древнерусского слова *истец*, производного от *исто*, означавшего «капитал, деньги, взятые взаймы» в строго определённом размере, без процентов, то есть основанные на изначальной честной сделке.

¹⁹ Соболевский А.И. Древний церковнославянский язык. Фонетика. 1891. 14.

В то же время этимология слова **правда** представляется более ясной и однозначной. Оно является производным от прилагательного **правъ**, что означало «правый», а в более широком смысле – «прямой, правильный».²⁰

Отсюда возникает внутренний образ прямизны, «неизогнутости», который ярко проявляется в современном русском языке и связан с понятиями направления и ровности. Например, слова выправить («выровнять»), править (кораблём, то есть «держат прямой курс»), а также выправка (позиция тела с прямой спиной) служат лингвистическим свидетельством исходного значения «прямой».

В русской языковой картине мира концепт правды неразрывно связан с такими понятиями, как общение и душа. Искренность, открытость в выражении внутреннего состояния, в том, что человек имеет на душе, высоко ценятся в русской культуре. Положительная оценка искренности и прямооты в общении отражает представление о правде не только как о соответствии нормам, но и как о честном выражении внутренних переживаний и мыслей.

Лосский характеризовал **доброту**, присущую русскому менталитету, как освобождённую от фарисейства: она представляет собой непосредственное принятие чужого бытия в собственную душу и его защиту, подобно защите самого себя. В этой связи он объединяет ключевые концепты русской культуры – «сердце», «душа» и «общение» – следующим образом: «Жизнь по сердцу создаёт открытость души русского человека и облегчает общение с окружающими, проявляющееся в простоте и естественности, без условностей и внешне навязанной вежливости».

Важным ценностным компонентом в национальном менталитете является концепт «счастье». В русском языке понятие счастья принадлежит к высокому стилю и несёт в себе значительный эмоциональный заряд, что проявляется в двух диаметрально противоположных тенденциях его употребления, отражающих полярные стороны «русской души».

²⁰ Гладкова А.Н. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. 2010. 14 с.

Важно отметить, что в русской языковой традиции счастье не относится к категории базовых эмоций и описывает состояние, выходящее за рамки повседневного эмоционального фона, находясь в сфере идеального и зачастую недостижимого, что подтверждается классическим утверждением Пушкина: «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

Таким образом, концепты «сердце», «душа», «общение» и «счастье» формируют ядро русского менталитета, отражая уникальную языковую картину мира, в которой духовное и нравственное измерения органично переплетаются с культурно–историческими традициями.

Для русского менталитета характерна выраженная практическая направленность: русский человек стремится обрести «град Божий на земле», соединяя философские размышления с повседневной жизнью, теорию – с практикой. Это стремление отражается в языковой картине мира, в частности в обозначении трудовой деятельности, которая в русском языке выражена тремя ключевыми лексемами – «труд», «работа» и «дело». Для анализа различий и сходств значений этих слов целесообразно опереться на фундаментальное исследование В. В. Колесова «Язык и ментальность»²¹.

Труд традиционно понимался как напряжённая и продолжительная творческая деятельность, которая утомляет не столько физически, сколько эмоционально. Исконное значение корня слова связано с представлениями, выражаемыми понятиями «тяжесть», «досада», «испытание», «теснота», что подтверждается производными формами – «трудный», «затруднительно», «затруднение». В свою очередь, слово «работа» в изначальном значении – **«подневольный и тяжкий труд раба»** – восходит к древнеславянскому понятию «рабство».

Это семантическое различие сохраняется и в фольклорной традиции, что отражено в пословицах: «Работа не волк, в лес не убежит» и «От работы кони дохнут» – выражающих негативное отношение к подневольной, вынужденной

²¹ Мазалова Н.Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских. 2001. 144 с.

деятельности. Напротив, пословица «Терпенье и труд всё перетрут» положительно характеризует труд как деятельность свободную, творческую, требующую знаний, опыта и выдержки.²²

Рассмотренные концепты русской языковой картины мира раскрывают глубинные особенности национального менталитета, где центральную роль занимает пространственно–ценностное мышление, сформированное под влиянием как природных условий, так и православной культурной традиции. Простор, широта, воля и тоска – не просто абстрактные понятия, но фундаментальные категории, описывающие укоренённую в народном сознании связь человека с окружающим миром. Русский менталитет формируется в условиях неустроенности и неопределённости, что порождает особое отношение к времени, в котором прошлое представляется как светлый ориентир, а будущее – как непредсказуемое и не всегда подвластное усилиям индивида.

Для русской культуры характерна крайняя аксиологическая поляризация: привычка видеть мир через оппозиции «возвышенное – низменное», «духовное – телесное», «святое – грешное», «радость – удовольствие» и т.д. Эта бинарность не только структурирует языковое пространство, но и задаёт специфическую морально–нравственную шкалу оценок, в которой предпочтение почти всегда отдается «высокому», духовному началу. Подобное восприятие мира особенно ярко проявляется в ценностной семантике таких ключевых понятий, как истина, воля, душа.

Наконец, важнейшей чертой русского менталитета оказывается отношение к действию. Русский человек, по данным языка, способен как к активности, так и к принятию обстоятельств, выраженному в пассивных конструкциях. Это двойственное восприятие реальности формирует особую мировоззренческую установку – человека как существо, включённое в великий поток бытия, но со-

²² Панченко А.А. Очерки по истории русского фольклора. 1984. 352 с.

храняющее возможность выбора: действовать или смиренно ждать, пока «всё образуется». Именно в этом – в сочетании метафизического мышления, душевной широты и языковой образности – раскрывается уникальность русской языковой картины мира.

Вывод к теоретической главе:

В данной главе были рассмотрены теоретические основания для исследования образа человека в русских частушках, опирающиеся на понятия менталитета, языковой картины мира и системный подход Ю. Д. Апресяна.

Менталитет понимается как глубинная форма национальной культуры, выраженная в устойчивых концептах, архетипах и культурных константах. Это способ организации культурного содержания, включающий представления о мире, о месте человека в этом мире, об этических ориентирах и моделях поведения. Структура менталитета охватывает бытийный, познавательный, ценностный и деятельностный аспекты, каждый из которых проявляется в языке – в частности, в частушках как типичном выражении народного сознания.

Русский менталитет формирует особое восприятие человека и мира, отличающееся цельностью, эмоциональной насыщенностью, нравственной категоричностью и приоритетом внутреннего, душевного содержания. Он воплощается в русской языковой картине мира (ЯКМ), которая представляет собой субъективную модель реальности, закреплённую в языковых средствах. Язык при этом не просто отражает реальность, а формирует сам способ её восприятия и осмысления. По мысли В. фон Гумбольдта, суть языка – в его сокровенной связи с духом народа, то есть с менталитетом.

Ключевыми концептами русской ЯКМ выступают: душа (как внутреннее пространство человека и центр его сущности), воля, удасть, тоска, простор, радость, правда, милосердие, справедливость, судьба и др. Человек в этой картине мира осмысливается как внутренне сложное, духовно активное и морально окрашенное существо, наделённое нематериальными сущностями (совестью, разумом, сердцем, памятью и др.). Эта особенность особенно ярко отражается в фольклорных жанрах, где художественная условность сочетается с глубокой этнокультурной нормативностью.

Системный подход Ю. Д. Апресяна, выделяющий восемь подсистем описания человека – физиологическое состояние, телесность, эмоции, психические

состояния, характер, установки, социальный статус и речь, – позволяет классифицировать и интерпретировать языковое представление о человеке как многомерной сущности. Этот подход даёт точный инструмент анализа народных текстов с учётом их внутренней антропологической структуры.

Таким образом, исследование базируется на трёх взаимосвязанных теоретических опорах:

- концепции менталитета как глубинной структуры национального сознания;
- теории языковой картины мира как отражения и носителя этой структуры в языке;
- модели восьми подсистем человека по Ю. Д. Апресяну как инструменту системного лингвистического анализа.

Такое сочетание культурологического и лингвистического подходов создаёт цельную методологическую основу для последующего анализа образа человека в частушках, выявляя в них не только лексические, но и ментальные коды народного мышления.

2 ЧАСТУШКА КАК ИСТОЧНИК ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ: СИКО – СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА И ОТРАЖЕНИЯ ТАЛИТЕТА

2.1 Лексико – семантическая реализация образа человека в русских частушках: физические и духовные модусы

Практическая часть диссертационного исследования направлена на системное описание образа человека в русских частушках на основе анализа текстов, отобранных из трёх фольклорных сборников:

Симаков В. И. (сост.) «Сборник деревенских частушек». – М.: Ярославль, «Типография К.Ф. Некрасова» 1913.

Сидельников В. И. (сост.) «Русская частушка». – М.: Москва : Сов. писатель, 1941.

Шевляков И. И. (сост.) «Великорусские частушки». – М.: Москва Печатня А. Снегиревой, 1914.

Общий объём проанализированного корпуса составил 198 текстов. Частушки классифицированы и проанализированы по методике системного описания образа человека, предложенной Ю. Д. Апресяном в работе «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» (2004). Методологической основой исследования послужила модель восьми компонентных систем, репрезентирующих основные аспекты функционирования человека в языковом сознании. Каждая система описывает отдельную область человеческой активности или состояния, объективированную в языке:

- физиологические состояния (голод, жажда, боль и т. д.);
- физические восприятия (зрение, слух, вкус, обоняние, осязание);
- физиологические реакции на воздействия (дрожь, сердцебиение, жар, озноб и др.);
- физические действия и деятельность (движение, труд, отдых и пр.);
- желания и волевые импульсы (намерение, стремление, хотение);

- интеллектуальные процессы (мышление, знание, представление, воображение);
- эмоциональные состояния (радость, страх, любовь, гнев и пр.);
- речь (реплики, просьбы, обещания, советы и др.).

Каждый текст анализировался с позиции того, какие из указанных систем в нём актуализированы и каким образом они структурируют представление о человеке в рамках фольклорной картины мира.

Для обеспечения системности анализа все частушки были распределены по трём категориям:

Пол (122 текста): отдельные группы частушек, в которых репрезентируются мужские и женские образы. Анализ проводился с учётом характерных речевых, поведенческих, телесных, эмоциональных и социальных характеристик, присущих каждому полу.

Возраст (29 текстов): частушки, в которых указаны или подразумеваются возрастные параметры (дети, взрослые, старики). Рассматривались особенности репрезентации возраста в рамках восьмисистемной модели: от физиологических особенностей до когнитивных и эмоциональных параметров.

Профессиональная принадлежность (47 текстов): тексты, содержащие указания на профессии и трудовые роли (тракторист, доярка, бригадир, солдат, агроном, лётчик и др.). Анализ проводился с фокусом на активность физиологических, поведенческих, эмоциональных и речевых систем в рамках профессиональной идентичности.

В совокупности это позволило не только выделить основные особенности образа человека в народной поэтической традиции, но и проследить механизмы его концептуализации в языке и культуре. Указанные категории (пол, возраст, профессия) были выбраны в качестве ведущих признаков социальной и индивидуальной идентификации человека, регулярно репрезентируемых в частушечном материале.

Сборники, послужившие источником материала, обладают научной ценностью и были отобраны на основании нескольких критериев: документированность происхождения текстов, полнота жанрового представительства, временной и региональный охват.

«Сборник деревенских частушек» (1913 года). Сборник включает тексты, записанные преимущественно в конце XVIII – начале XIX века в ряде северных и центральных губерний Российской империи (Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской и др.). Тематическая структура сборника охватывает широкий спектр бытовых, семейных, социальных и религиозных мотивов: от любовной лирики и сатиры до текстов о бедности, родительско–детских отношениях, пьянстве и солдатской службе. Представлены тексты, отражающие как обрядовые, так и контексты повседневного исполнения, включая плясовые, шуточные и иронические частушки. Таким образом, данный сборник предоставляет основу для комплексного анализа как телесных, так и духовных характеристик человека в народной среде на протяжении длительного исторического периода.

«Русская частушка» (1941 год) охватывает материал преимущественно советской эпохи. Сборник разделён на два смысловых блока: дореволюционная частушка и советская частушка. Первый блок включает темы, традиционно связанные с народной жизнью: солдатчина, крестьянский труд, женская доля, любовь, плясовые формы. Второй блок содержит тексты, отражающие специфику советского периода, включая мотивы Октябрьской революции, Гражданской войны, сталинской Конституции, социалистического труда, критики религии, образа врагов народа (кулака, лодыря), а также темы пропагандистского и идеологического характера. Благодаря широте социальной проблематики и наличию частушек, связанных с профессиональными и гендерными ролями, данный источник представляется ценным для анализа репрезентации человека в условиях трансформации социокультурных установок и идеологических доктрин.

«Великорусские частушки» (1914) – публикация базируется на фольклорных экспедициях 1911–1914 годов и охватывает обширный географический ареал: от Северного края (Архангельская и Вологодская губернии) и Центральной России (Московская, Тверская, Ярославская, Нижегородская, Владимирская и др.) до Поволжья, Урала и Сибири. Внутри губернских группировки тексты классифицированы по содержанию: любовные, семейные, солдатские, сатирические и прочие. Помимо текстового корпуса, сборник включает указатели собственных имён, географических наименований, предметной лексики, а также нотные записи отдельных мелодий. Этот источник представляет интерес как с точки зрения региональной специфики репрезентации образа человека, так и как памятник фольклорной фиксации накануне революционных потрясений XX века.

В соответствии с задачами исследования анализ строился на лингвистической интерпретации текста с фокусом на выявление семантических признаков систем человека. Все тексты подвергались сопоставительному анализу: определялись признаки систем, частотность их присутствия, особенности реализации в зависимости от исследуемой категории (пол, возраст, профессия).

Образ русской женщины в частушках: анализ по 8 системам Ю. Д. Апресяна

Физиологические состояния

(голод, жажда, боль, усталость и пр.)

Физиологические состояния у женщин в частушках проявлены преимущественно через эмоционально–физическую усталость, страдание и недомогание, что является отражением тяжелой доли и трудной женской судьбы. Особенно это характерно для девушек и женщин в замужестве, что соответствует крестьянскому представлению о быте как о физическом и душевном испытании:

«Иссушил парень девчонку,

Нет в лице кровиночки.

Если кровь в лице была,

Виноватая была.»

Здесь фигура девушки наделяется пассивной страдальческой установкой: обессиленность тела становится символом не только физиологического, но и нравственного истощения, вызванного отношениями. Отсутствие крови в лице метафорически связывается с отсутствием вины – образ безвинной страдальцы. Это характерно для менталитета русской женщины: терпение и молчаливое перенесение боли как добродетель.

Физические восприятия

(зрение, слух, вкус, осязание и пр.)

Женская чувствительность чаще всего проявляется через зрение и слух, что делает женщину воспринимающей, чуткой, живущей в мире эмоций и эстетических впечатлений. При этом внешнее воздействие – музыка, свет, визуальные образы – побуждает к действию:

«Шел деревней, девки спали;

Поиграл – девчонки встали:

Встали, пробудились,

Окна растворились.»

Музыкальное воздействие вызывает телесную реакцию: женщины пробуждаются. Этот мотив демонстрирует типичную народную установку: женщина откликается на красоту и ритм жизни, воспринимает мир через эмоции, музыку и движение. Это особенно свойственно девушкам как носительницам живого, открытого восприятия.

Физиологические реакции

(жар, сердцебиение, дрожь, покраснение и пр.)

Такие реакции выражаются в частушках через метафорические образы, чаще связанные с тоской, волнением, тревогой. Например:

«Ой, милашечка, тоска,

Иссохло сердце, как доска:

По тебе, девчоночка,

Позеленел, как елочка.»

Физиологическая реакция («иссохло сердце») сопряжена с эмоциональным напряжением. Образ "сухого сердца" метафорически выражает утрату жизненности и тепла. Это вновь указывает на глубокую связь физиологического и эмоционального начала в женском менталитете.

Физические действия и деятельность

Женщина в частушках – не только страдающая и чувственная, но и деятельная. Особенно в образах девушки–работницы, активной, физически сильной, самостоятельной:

«Я стахановка в лесу,
Девушка весёлая.
Пилю лучковой пилой,
Красивая, здоровая.»
«Я на фабрике была,
Работала бумажей.
Я девчоночка фартова,
Мой залётка ротозей.»

Это иллюстрация советского этапа менталитета, где женщина становится трудовой героиней, однако сохраняет привлекательность, живость характера. Деятельность подается как форма самовыражения.

Желания

Женские желания в частушках – яркий мотив. Они варьируются от романтического влечения до желания свободы, собственного выбора, самореализации. При этом желание у русской женщины – не импульсивное, а внутренне мотивированное, соотнесённое с судьбой:

«Не ходите, девки, замуж,
Не теряйте красоты:
Пьяница навяжется,
Долог век покажется.»
«Кабы меня, девушку,
К милому в семеюшку,

Где нету свекровушки,
Смутьяницы золовушки.»

Здесь звучит желание избежать несчастливой доли, исходя из жизненного опыта других. Характерен прагматизм, знание жизни, внутренний расчет, и всё это в рамках менталитета, в котором женщина – не просто объект желания, но субъект воли.

Мышление, интеллектуальная деятельность

Частушки не лишены иронии, хитрости, наблюдательности, что говорит о тонком женском уме. Женщина в них рассуждает, делает выводы, предупреждает, предугадывает:

«Бабы дуры, бабы дуры,
Судят все по вечерам;
Не судите, бабы дуры,
– Отзовется дочерям!»
«Ну, пускай же бабы судят,
О порочат нашу честь,—
Отольются бабам слезы,
У кого девченки есть!»

Женская речь здесь приобретает дидактическую функцию – предостережение, пророчество. Мы видим русскую женщину как носительницу народной мудрости, умения видеть последствия и строить причинно–следственные связи.

Эмоции

Это самая насыщенная система в женских частушках: любовь, обида, ревность, надежда, грусть, тоска, отчаяние и прощение. Русская женщина представлена как глубоко эмоциональное существо:

«Не от радости девчонка
Голову повесила.»
«Меня, молоденькую дёвушку,
Неправдою корят:
Насказали всего родителям,

Теперь дома бранят.»

Эмоции всегда сопряжены с отношениями – либо любовными, либо семейными, и здесь проявляется коллективистский менталитет: личное состояние женщины зависит от окружающих – от родителей, от общества, от милого.

Речь

Женская речь – мощный социальный инструмент. Часто это насмешка, предупреждение, приговор или ироничный комментарий.

«Сидели бабы, хаили

Милого моего;

МнѢ не надо за него

Пятерых за одного!»

Речь женщины в частушках – это действие. Она говорит – значит, вмешивается в реальность, управляет ею, защищает себя, ставит границы.

На рисунке 1 представлена Доля аспектов образа женщины в русских частушках.

Рисунок 1 – Доля аспектов образа женщины в русских частушках

Типология женских ролей в частушках:

Дочь: Мотивы конфликта с родителями, стремления к свободе, жалобы на строгость:

«Меня маменька ругает,
Тяťка больше бережет...»

Иногда – трагическое обострение конфликта:

«Ты, родима матушка,
Родила бы камушком...»

Жена (невестка): Брак – часто источник страданий, особенно из-за свекрови:

«Я у мамки корки ела –
За работой песни пела,
У свекрови чай пила –
За столом слезы лила.»

Возлюбленная, невеста

Любовные чувства – центральный мотив:

«Не кукушечка кукует –
Это девушка тоскует...»

Подруга: И союзница, и соперница:

«Полюбили одного, –
Поссорились немножечко.»

Сударушка: Женщина «на выданье» с оттенком городского лоска, вызывающая и восхищение, и недоверие:

«Ну, пускай поспит, понежится
Сударушка моя...»

Мать: Образ двойственный – и опора, и источник давления:

«Мамонька родимая,

Свеча неугасимая...»

Бабы (женская община)

Сила общественного мнения, коллективной морали:

«Бабы дуры, бабы дуры,

Судят все по вечерам...»

Вывод: Образ русской женщины в частушках – это сложный синтез телесности и духовности, страдания и активности, подчинения и внутренней силы. Она одновременно воспринимающая и мыслящая, страдающая и действующая, чувствующая и говорящая. Менталитет, формируемый этими текстами, раскрывает женщину как культурный символ народа – в её боли, желании, заботе, дерзости и верности.

В рамках типологии Ю. Д. Апресяна, представляющей человека как сложную иерархию взаимосвязанных систем – от физиологических до речевых, – возможно реконструировать целостный образ мужчины, зафиксированный в частушечном дискурсе. Частушка, как лаконичный жанр народной поэзии, не только фиксирует черты личности, но и транслирует менталитет, систему ценностей и коллективное бессознательное. В мужском образе отражаются представления народа о социально приемлемом и неприемлемом, достойном и позорном, желательном и отвергаемом.

Физиологическое состояние

Частушки отчётливо демонстрируют, как телесное и социальное сливаются в образе русского мужика. Усталость, нищета, болезнь и лень – всё это не просто физиология, но выражение социального страдания или несостоятельности. Упадок сил символизирует не только телесное истощение, но и коллективное ощущение беспомощности в условиях социальной несправедливости.

Контраст «трудящегося» и «лодыря» показывает разные состояния телесной энергии как форму социальной оценки. Мужская физиология в частушке становится этически маркированной: «усталость» трудящегося – добродетель, «лёгкость» бездельника – порок.

Физическое восприятие

Восприятие у мужчины в частушке связано с активной или пассивной социальной позицией. Мужчина наблюдающий – это не просто тот, кто смотрит, а тот, кто фиксирует ситуацию (войну, выборы, несправедливость). В то же время лодырь, глядящий со стороны, – это символ отчуждения от общественной жизни.

Таким образом, органы чувств, особенно зрение и слух, становятся метафорами включённости/исключённости из социальной ткани. Менталитетно это соответствует бинарности «в деле / вне дела», глубоко укоренённой в русской культуре.

Физиологические реакции

Телесные отклики (раздражение, возбуждение, внутренние конфликты) в частушке часто имеют политическую или экономическую окраску. Реакции тела здесь – это не просто эмоции, а формы сопротивления и несогласия. Например, дрожь или гнев мужчины при несправедливом распределении земли – это тело как форма политического высказывания.

Это один из ключевых моментов апресняновской модели: человек неразделим, его телесное реагирование может быть манифестом социального опыта. В народной картине мира физиологическая реакция мужчины – часть его нравственного и идеологического кода.

Физические действия и деятельность

Деятельность – центральный маркер мужской идентичности. Мужчина работает, строит, воюет, занимается хозяйством. Лодырь, напротив, ассоциируется с социальным распадом, паразитизмом, деградацией. Работа в частушке – не просто занятие, а аксиологическая константа, измеритель мужского достоинства.

Менталитетно это связано с идеей трудовой морали как основы народного миропорядка: без труда – нет ни чести, ни любви, ни дома. Частушка репрезентирует труд как сакрализованную форму бытия.

Желания

Желания мужчины в частушках – индикатор его душевного и социального устройства. Это не просто хотения, а ценностные приоритеты. Мужчина хочет

быть любим, хочет справедливости, мира, домашнего уюта. При этом желания мужика маркируются как «правильные» или «неправильные»: стремление к любви и честности противопоставлено лени и безделью.

В свете модели Апресяна желания – это вектор действия личности, и частушка фиксирует этот вектор в соответствии с коллективной оценкой. Народ осуждает разрушительные желания и одобряет те, что ведут к миру и порядку.

Мышление и интеллектуальная деятельность

Частушки парадоксально насыщены мыслями и размышлениями. Мужчины анализируют политическую обстановку, жалуются на несправедливость, обсуждают реформы и последствия. Это обескураживает: короткий жанр содержит философию.

Мышление мужика – это не отвлечённый интеллект, а житейская, крестьянская мудрость. Народный мужчина мыслит в категориях «справедливо/несправедливо», «свое/чужое», «честно/нечестно». Частушка кодирует эту модель в краткой форме – как слепок народной эпистемологии.

Эмоции

Эмоции в частушке открыты, экспрессивны и социально значимы. Мужчина может плакать, злиться, обижаться, но всё это окрашено социальным контекстом. Эмоция – это не только внутреннее состояние, но и форма высказывания позиции, как у женщины, отвергающей лентяя, или у мужика, негодующего на богача.

Эмоциональность частушки – это форма народной правды, формы оценки и ответа на происходящее. В этом смысле эмоции мужчины – зеркало его идентичности в системе народных координат.

Речь

Мужская речь – важнейший инструмент самопозиционирования. Она может быть грубой, язвительной, философской, плаксивой, сатирической. Частушка – сама по себе речевой акт, в котором мужчина говорит от себя, от общины, от поколения.

В модели Апресяна речь – вершина системы, соединяющая все другие подсистемы: в речи отражаются чувства, желания, мысли, телесные реакции. В частушке голос мужика – это голос народа, а его интонации передают весь спектр человеческого и социального.

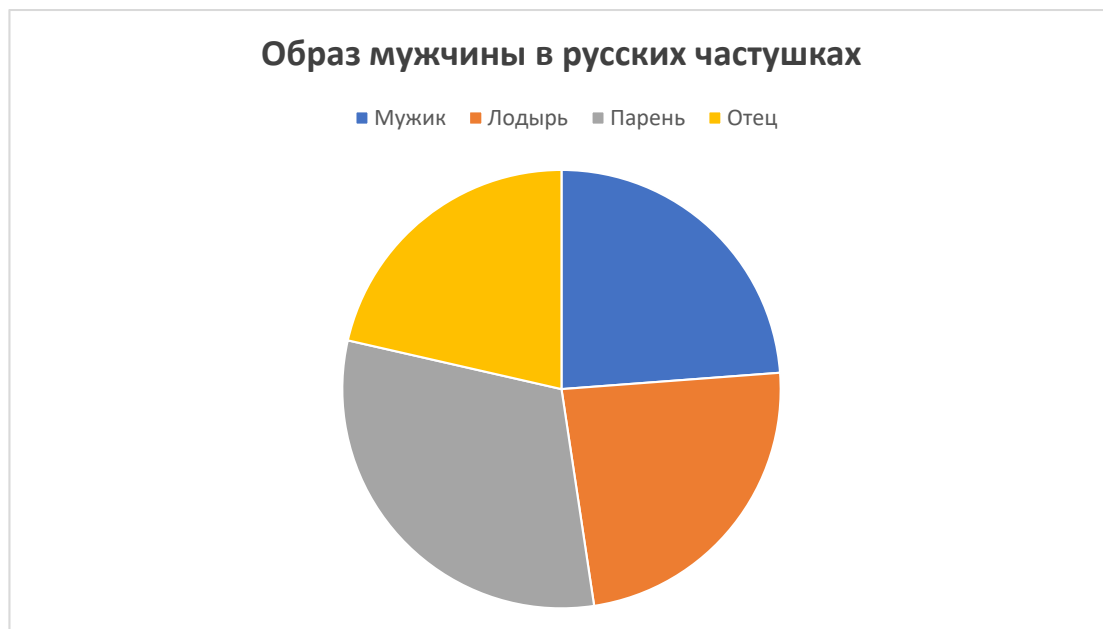

Рисунок 2 – Доля различных образов концепта «мужик» в частушках

Лодырь

Образ лодыря в частушках – один из самых ярких и уничижительных. Он не просто не работает – он существует как социальная помеха, наблюдатель, насмешка над трудовыми ценностями. Лодырь – это антигерой народной морали.

«На горе собака лает,
На мосту петух поет.
Лодырь целый день гуляет,
Делу ночь – запоем пьет.»

«Лодырь ходит по заулку
Да глядит, как мы косим.
Лодырь думает о булке,
А мы булочки едим.»

Он изображён как человек, не только не работающий, но и не способный на продуктивное действие: ленив, глуповат, смешон. Часто акцент на его телесности: «рот разинут», «ходит», «гуляет», «лежит», – но не трудится.

«Стоит лодырь у ворот,
Широко разинув рот,
И никто не разберет –
Где ворота, а где рот.»

Женский голос в частушках категорически отвергает лодыря как мужа и любимого:

«Ты не рой под горой
Землю черноватую.
Ты не сватай дочку, лодырь,
Дочку не просватаю.»

Таким образом, образ лодыря выполняет воспитательную и назидательную функцию: он – антипод желаемого мужчины.

Мужик

Образ «мужика» в частушках наиболее тесно связан с понятием социального класса. Это не просто мужчина – это представитель крестьянского сословия, бедный, угнетаемый, но способный к борьбе:

«Перву думу разогнали,
Мужики духом упали;
Бедняки–то горевали,
Кулаки–то ликовали.»
«Ну и время, ну и да!
Мужику совсем беда:
Нету хлеба, нет земли,
А за податям пришли.»

Мужик – это фигура социальной несправедливости, но он не покорен. Он – субъект движения, политизации:

«А тукй–тукй–тукй,

Взволновались мужики,
Леса рубят, гумна жгут,
Все свободы себе ждут.»

В то же время «мужик» может быть и объектом иронии – когда он деградирует:

«Сколько шуму на селе:
Знать, мужики дерутся?
Нет, укрепляются в земле,
Между собой грызутся.»

«Деревенски мужики
Стали господами, –
На хуторочки перешли
Со своимъ домами»

Но в целом, образ мужика наполнен чувством горечи, протеста и стойкости – он символ русской судьбы.

Парень

Социальная роль: молодой мужчина, объект женского интереса и оценки, будущий муж, работник.

Ключевая характеристика: амбивалентность между привлекательностью и ответственностью.

Образ «парня» наиболее динамичен – он может быть как идеализированным, так и осмеянным. Женщины в частушках оценивают парня по совокупности качеств: внешность, трудолюбие, поведение, перспективность.

«Тракторист – хороший парень,
Сердце беспокоится.
Ах, нельзя ли, тракторист,
С вами познакомиться?»

Парень ценен, если он работник:

«Ветер дует, не стихает,

Колыхает в поле рожь,
Если парень не ударник
В провожатые не гожд.»

Но если он становится бездельником или «бракоделом», женщина теряет к нему интерес:

«Я Ванюшу полюбила,
Раньше парень был удал,
А теперь его забыла:
Бракоделом парень стал.»

Парень часто – участник любовной игры, но его образ зависит от поступков. Даже внешне симпатичный, он может оказаться пустым:

«Из–под горки ручеек
Серебристый льется.
Парень девушку любил,
А теперь смеется.»

Однако в патриотическом контексте – это уже герой:

«Пели песни и припевки,
Собирался весь народ,
Провожали с песней девки
Паренька в Балтийский флот.»

Таким образом, социальная ценность парня обусловлена его трудом, службой и порядочностью. Только тогда он – желанный и достойный.

Отец

Отец – образ более стабильный и уважительный, чем все предыдущие. Он действует как участник семейных решений, хранитель традиций:

«Я не сам милашку сватал –
Отец с матерью ходил.»
«Две кукушечки кукуют,

Два соловушка поют –
Отец с матерью толкуют,
Дочку замуж выдают.»

Однако и он может быть участником трагического выбора, как, например, в сценах мобилизации:

«Поглядите, мать, отец,
Нас погонят, как овец.»

Образ отца часто связан с колхозом и трудовой этикой, а также с воспитанием:

«У меня отец в колхозе
И в колхозе моя мать,
Я в колхозе научилась
По пять копен в день вязать.»

Даже если отец ошибается, он всё равно выступает как фигура, к которой можно обратиться, которую можно исправить, упрекнуть, но не высмеять:

«Мой отец пшеницу сеял
И огрехи допустил.
Я, на лица не взирая,
В стенгазете прохватил.»

Таким образом, образ отца – носитель трудового наследия и семейного авторитета, часто участвующий в судьбе дочери и сына.

Вывод: Анализ образа мужчины в русской частушке через модель Апресяна показывает, что фольклорная поэзия представляет человека как сложную, многослойную структуру. Мужчина здесь – не просто персонаж, а носитель народной идеологии, воплощение менталитета. Его тело, чувства, мысли и речь образуют непрерывное целое. В частушке отражаются не только судьбы отдель-

ных мужчин, но и коллективный образ народной мужской идентичности – трудящейся, страдающей, возмущённой, ироничной и вечно ищущей справедливость.

Физическое восприятие (органы чувств: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание)

Тракторист, доярка: Частушки подчеркивают визуальные детали – одежду, внешность, жесты. Например, «На ней красненький платок», «Тракторист мне кепкой машет» – визуальные сигналы служат социальными маркерами и триггерами взаимодействия между героями.

Бригадир: Воспринимается как авторитет через вербальные сигналы – «Понаряду бригадира» – то есть его «голос» как распоряжение, но напрямую органы чувств почти не маркируются.

Агроном: Возникает в восприятии как рациональная альтернатива «молебну». Визуальный и слуховой контраст между религиозным попом и светским агрономом обыгрывается – «Засевай поля без бога», «Нам молебен не потребен».

Солдат: Часто описан через зрительное и слуховое восприятие: «повезут – вся деревня сбесится», «Свети, месяц» – тягостное ожидание, напряжение восприятия перед отправкой в армию.

Летчик: Воздушность, «высота» образа формируется через визуальные представления («улетел в даль небес»), а также слуховое – «летчики – молодчики», «прославили страну».

Физиологические состояния (голод, жажда, нужда, боль и пр.)

Тракторист, доярка: Эти профессии связаны с напряжённым трудом. Хотя прямо не говорится о голоде, подчеркивается нагрузка и усталость через статус «ударников» – предполагается постоянное преодоление физической усталости.

Бригадир: Его физиология почти не проявляется – он фигура организующая, не «телесная».

Агроном: Упоминается в контексте урожая, то есть опосредованно связан с удовлетворением голода («агроном повысит урожай»). Он как бы снимает физиологическую нужду всего коллектива.

Солдат: Состояние голода, боли, нужды – основа солдатских частушек: «Горемычное житьё», «горе мыкал», «принимай пинки за блинки». Образ солдата наиболее телесен и страдателен.

Летчик: Физиологические состояния почти не маркируются, он романтизирован, телесность растворяется в идеале подвига.

Физиологические реакции (покраснение, дрожь, сердцебиение и пр.)

Тракторист, доярка: Внутренние телесные реакции выражаются косвенно через любовный подтекст: «Сердце беспокоится» – это уже эмоционально–физиологическая связка, выражающая влечение.

Бригадир: Лишён физиологических проявлений. Его образ рационален, административен.

Агроном: Как и бригадир, он лишён телесных реакций. Фигура ума и рациональности, а не чувства.

Солдат: Физиология в реакциях ярко проявлена: страх, дрожь, усталость, бессилие. Например: «Горюет мать», «не сам иду – ведут», «не хочется в солда тушки».

Летчик: Мог бы испытывать физиологические реакции (высота, страх), но в частушках он лишён их. Он сверхчеловек, фигура без мурашек.

Физические действия и деятельность

Тракторист, доярка: Основной фокус частушек – физический труд. «Пашет», «везёт», «доярка», «артистка днём – ударница полей» – труд как норма жизни, как подвиг. Глаголы деятельности доминируют.

Бригадир: Его деятельность организующая. «Охранять поля ушел», «по наряду» – не работает руками, но координирует физическую деятельность других.

Агроном: Фигура науки, его действия – «повышать урожай», «вести к новому быту», его деятельность – интеллектуально–организующая, но с осязаемым физическим результатом – хлебом.

Солдат: Действия связаны с насилием и тяготами: «будут бить», «повезут», «служить», «носить винтовочку», «принял пинки» – труд солдата – физическое страдание и служба.

Летчик: «Улетел», «доставили» – действия техничны, высокотехнологичны. Он действует на другом уровне – не пашет, а управляет. Это труд, но элитный.

Желания

Тракторист, доярка: Явное стремление к труду, любви и признанию. «Меня любит гармонист», «самый первый тракторист», «в клубе – артистка» – желание быть нужным, красивым, успешным.

Бригадир: Его желания не выражены – он символ власти, его хотят слушаться, но не любят.

Агроном: Его «желание» – рационализировать быт. В частушках он как коллективное олицетворение желания урожая, хлеба, света разума.

Солдат: Желания часто противоречивы – «не хочется в солдатухи», «повезут», «не жалко – повезут», «хочу познакомиться» – он не субъект желания, а объект долга.

Летчик: Желание связано с мечтой и гордостью – «в летчики берут», «счастливый я», «самый смелый» – желание не любви, а героизма.

Мышление, интеллектуальная деятельность

Тракторист, доярка: Мысли просты и ситуативны – «я сказала: не маши» – бытовое мышление, основанное на реакции и здравом смысле.

Бригадир: Мыслит стратегически – распределяет, планирует, командует.

Агроном: Это квинтэссенция разума. Частушки противопоставляют его «попу», его «молебну» – он мыслит научно и светски.

Солдат: Часто не мыслит – им «ведают», его «берут», «сдают», «забрили». Умственный процесс заменен судьбой и приговором.

Летчик: Интеллектуальный герой – обучен, прошёл школу, мыслит рационально. Частушка: «Школу летчиков кончают» – умный, подготовленный.

Эмоции

Тракторист, доярка: Радость, гордость, влюблённость. «Меня любит», «я ударница» – позитивный эмоциональный настрой.

Бригадир: Эмоционально нейтрален, лишь раз проявляется: «полно, милый, заноситься» – обида или раздражение.

Агроном: Тоже эмоционально нейтрален – он противопоставляется «весёлому» попу как холодный разум.

Солдат: Основной источник эмоционального напряжения: страх, горечь, грусть, сожаление, тревога. «Горе мыкал», «меня горюшко берет», «мать горюет» – весь спектр негативных эмоций.

Летчик: Радость, гордость, восторг. «Счастливый я», «улыбается мамаша», «как не радоваться тут» – эмоции возвышенные.

Речь

Тракторист, доярка: Активные коммуникаторы: «сказала: не маши», «вызови тракториста», «хочу познакомиться» – речевая активность как способ проявления желания и эмоции.

Бригадир: Речь директивная – «по наряду бригадира» – он приказывает, не общается.

Агроном: Молчит, но «говорит делом» – его речь заменена действиями. Однако он противопоставлен словесности попу.

Солдат: Молчит, его ведут, его сдают, за него говорят другие. Речь солдата подменена внешним приказом.

Летчик: Речь – символ признания и романтики. «Помашу платочком», «радоваться тут» – эмоции выражаются словами, но сам летчик редко говорит – за него говорят с восхищением.

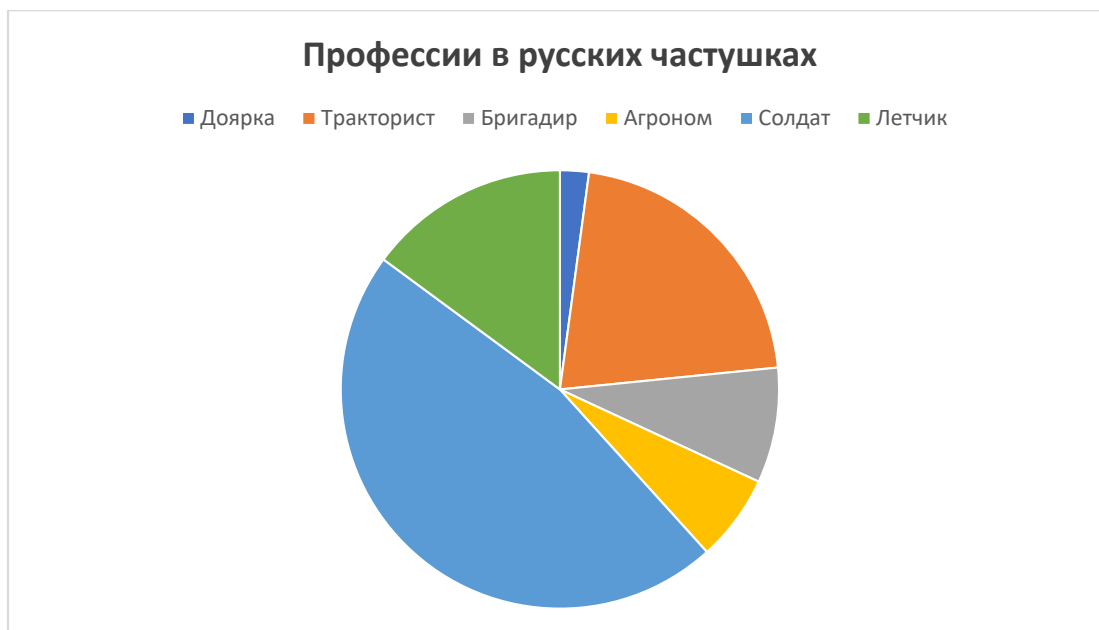

Рисунок 3 – Доля образов концепта «Профессия» в частушках

Вывод:

Тракторист – символ прогресса и механизации сельского труда. Это фигура мужская, деятельная, опора колхоза. Часто тракторист представлен как молодой, смелый, трудолюбивый человек, вызывающий восхищение у женщин. Он – «ударник», получающий признание («почетный лист»), и пример для других.

Коллективная значимость: работает на благо колхоза.

Авторитет: уважаем в деревне, окружён вниманием девушек.

Герой нового времени: тракторист – не крестьянин, а рабочий на технике.

Маскулинность: тракторист почти всегда мужчина, активный, физически крепкий.

Доярка – представительница женского труда, образ советской ударницы, трудолюбивой и самоотверженной. Она не просто доит коров, а выполняет важную общественную функцию, обеспечивая страну молоком и трудовыми подвигами.

Ударница труда: гордится своим вкладом («Я – ударница–доярка»).

Женская гордость: доярка – не только труженица, но и красавица, участница песен.

Эталон советской женщины: соединяет труд и нравственность.

Социально одобряемая фигура: она прославляется, становится объектом внимания мужчин.

Бригадир – властная и организующая фигура, представитель вертикали управления. Он дает наряды, руководит, участвует в культурной жизни (клуб, вечеринки). Это мужская роль с административным потенциалом.

Начальник низшего звена: командует рабочими, принимает решения.

Образ деревенской власти: вызывает страх или уважение.

Центр общинной жизни: может быть инициатором собраний, увеселений.

Амбивалентность: бригадир может быть строгим и несправедливым (в частушках встречаются иронические оценки), но и важным представителем коллектива.

Агроном – интеллигент в деревне, представитель научного знания. Он не трудится физически, но управляет процессами сельского хозяйства с точки зрения науки. Его роль – рационализаторская и руководящая.

Значимый авторитет: «Агроном, а не молебен / Нам повисит урожай».

Чужой и свой одновременно: приходит «сверху», но работает «с нами».

Образованный горожанин в селе: вызывает уважение или иронию.

Фигура надежды и результата: на него надеются как на преобразователя быта.

Солдат – фигура подневольная, но героическая. Он не столько борец, сколько страдалец. Его роль амбивалентна: с одной стороны – долг перед Родиной, с другой – принуждение, утрата свободы, тоска по дому.

Призванный, не по воле: «Я не сам иду в солдаты / Старшина меня ведет».

Герой и страдалец: воюет, но скучает, бедствует.

Романтизированный образ: любимый ушёл в армию – стал героем.

Часть государства: отождествляется с государственной машиной, не с личной волей.

Летчик – герой нового времени, символ отваги, стремительности и технократического идеала. Это самая возвышенная и романтическая фигура из всех профессий, представленных в частушках.

Герой неба: образ идеализирован, часто ассоциируется с мечтой.

Любимый и недостижимый: «Милый мой, отважный летчик» – объект гордости.

Советская элита: в отличие от солдата, летчик – доброволец, лидер.

Мифический герой: вокруг него – ореол доблести, патриотизма и риска.

Профессия в частушках – не просто род занятий, а целостный социальный и ментальный образ. Через призму восьми систем Апресяна мы видим, как трактористы, агрономы, солдаты и летчики выступают не только как исполнители функции, но как представители определённых ценностей и взглядов. Частушка фиксирует не индивидуальность, а архетип профессии в народном сознании.

Анализ фольклорного материала по восьми системам человека (по Ю. Д. Апресяну) позволяет выявить устойчивую семантическую стратификацию между поколениями – детьми (молодёжью), родителями и стариками, закреплённую в поэтике русской частушки.

Физическое восприятие (органы чувств: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание)

Дети:

В частушках дети часто описываются через восприятие другими: например, мальчик «хорошенький», «в беленькой рубашке» – визуальное восприятие. Также девочка наблюдает за миром: «В ту сторонущку смотрела, где мой миленький живет» – активное использование зрения. Отсылки к телесной привлекательности («беленькая девочка», «миленький») апеллируют к осязанию и эстетическому восприятию.

Родители (взрослые):

Восприятие взрослых передано скорее в ретроспективной и критической форме – например, «будто сами таки не были молоденьки, как я!» – это уже социально–мировоззренческое зрение, утрата чувствительности к юности и любви.

Старики:

В строках «в Бога верят старики и старухи старые» – упоминается мировосприятие сквозь призму веры, где органы чувств как бы уступают место духовному взгляду. Однако конкретного телесного восприятия (зрения, слуха и пр.) у стариков в частушках нет, что может указывать на фольклорное стереотипное отстранение пожилых от телесной чувственности.

Физиологические состояния (голод, боль, жажда, нужда и пр.)

Дети:

Детский образ часто связан с болью и физическим страданием: «болит правая рука», «мальчику бедному, шить рубашку некому». Это подчеркивает уязвимость, зависимость от взрослых. Также упоминается нехватка базовых условий – одежды, заботы, уюта.

Родители:

Физиологические состояния взрослых опосредованы отношением к детям. Так, «родители не спят» – косвенное указание на усталость, тревожность. Но в основном родитель изображается не через телесность, а через ограничительную силу (что также говорит о дистанции от чувств и потребностей).

Старики:

У стариков телесность показана грубо: «дед рассердился – хлоп по пузу кулаком». Здесь телесность утратила утонченность и выступает в форме агрессивной реакции.

Физиологические реакции (мурашки, бледность, сердцебиение и пр.)

Дети:

Подростковый возраст передан через влюблённость и эмоционально–физическую отзывчивость: девочка «ожилась» при виде «забавы на гулянье» – это метафорическое оживление через возбуждение (возможна аналогия с физиологическими реакциями – сердцебиение, румянец и др.).

Родители:

Физиологические реакции родителей отсутствуют или иронично отвергнуты: например, их не трогают юношеские чувства, они «обидели», «поставили в работницы», «за ягодку бранят». Это символическое «обессердечивание».

Старики:

Их реакция гипертрофирована и карикатурна: удар в живот (грубый телесный акт), отражающий примитивные инстинктивные отклики, а не тонкие реакции.

Физические действия и деятельность (работа, движение и пр.)

Дети:

У детей преобладают действия, связанные с обучением, трудом, службой: «сдали в солдаты», «придется служить», «некому работать в полюшке». Это указывает на раннее вовлечение в социально–производственные отношения и физические нагрузки.

Родители:

Родители чаще всего представлены в роли контролёров, а не действующих субъектов: они «обидели», «не позволяют», «просватали – не отдали». Физическое действие заменено волевым актом власти и принуждения.

Старики:

Их действия минимальны, чаще всего они статичны или предстают в бытовой сцене: «ели кашу с молоком». Дед ударил бабу – грубое действие, без продуктивной нагрузки, скорее отражающее патриархальное насилие.

Желания (влечение, стремление, склонность и пр.)

Дети:

Юношеские желания – центральная тема: «манит в лес по ягоды», «люблю, а расстаться не могу», «принеси, мил, ко мне». Это влечение к любви, близости, телесной и эмоциональной связи.

Родители:

Желания родителей описываются как ограничивающие и чуждые: «желалось замуж – не отдали». Родительское желание противопоставляется детскому и девичьему стремлению к свободе и любви.

Старики:

О желаниях стариков говорится косвенно. Они верят в Бога – их желания перенесены в духовную плоскость. Но также в них ощущается уход от земных влечений – символ ухода от жизни.

Мышление и интеллектуальная деятельность (память, воображение, убеждённость)

Дети:

Мышление молодых передаётся через осознание несправедливости: «сама знаю, что не пара, а расстаться не могу», «не могла дождаться ни с какой стороны». Это проявление рефлексии и чувства внутреннего конфликта между разумом и чувствами.

Родители:

Их мышление оценивается как «бестолковое», «безпонятное», «губительное». Частушки критикуют родительское неумение понять чувства молодёжи – это этнический мотив конфликта поколений, отстранения старшего от реального восприятия.

Старики:

Мышление стариков выражено в вере, ритуале, репрессивной морали («икону целовать»). Это консервативный, догматический ум, лишённый эмпатии и гибкости.

Эмоции (радость, грусть, страх, злость)

Дети:

Мальчики и девочки в частушках испытывают богатую гамму чувств: грусть, тоску, любовь, волнение. «Скучно мальчику гулять», «обливаюся слезьми» – глубоко эмоциональные состояния, свойственные юности.

Родители:

Эмоциональный спектр родителей сужен: они не чувствуют – они «бранют», «обидели», «не дали». Это эмоционально отгороженные персонажи, воспринимаемые как жестокие.

Старики:

У стариков в частушках эмоции почти не представлены. Их мир замкнут, обрядов и статичен. Исключение – гнев деда, выраженный в насилии, но это – не чувство, а импульс.

Речь (коммуникация, диалог, приказ)

Дети:

Речь детей – активная и выразительная: «Говорила одна мне...», «Сама сказала: дайте годик погулять». Это язык просьбы, признания, эмоционального высказывания. Молодёжь общается открыто, с нуждой быть понятыми.

Рисунок 4 – доля аспектов концепта «возраст» в частушках

Родители:

Речь родителей – директивна: «бранют», «приказывают», «запрещают», «просватали». Это речь власти, традиции, ограничений. Коммуникация идёт сверху вниз, без диалога.

Старики:

Старики в частушках практически не говорят. Их коммуникация отсутствует либо заменена действиями или ритуалами (вера в Бога, наказание). Это подчёркивает уход их роли в активной социальной речи.

Вывод: Анализ по восьми системам Ю. Д. Апресяна на основе частушек демонстрирует чёткое распределение функций между поколениями:

Дети и молодёжь – центр эмоционального и телесного бытия, носители чувств, желаний и страстей.

Родители – функциональные фигуры контроля и власти, отчуждённые от эмоций и диалога.

Старики – символ уходящего времени, традиции и ритуала, эмоционально и физически дистанцированные.

Такое распределение указывает на глубокую фольклорную типологию, отражающую устоявшуюся структуру народной ментальности, где поколения связаны, но отчуждены в телесном и духовном смысле.

2.2 Отражение менталитета нации в русских частушках о человеке

Отражение национального менталитета в фольклорных жанрах представляет собой ключевой аспект лингвистического исследования. Русские частушки, как устное народное творчество, на протяжении веков служат зеркалом народных представлений, мировосприятия и эмоционально–ценностных установок русского народа. В силу своей краткости, эмоциональной насыщенности и глубокой образности частушки отражают уникальные ментальные коды, формирующие национальный характер.

Целью данной главы является глубокий и осмысленный анализ проявлений русского менталитета в русских частушках на основе системного подхода, учитывающего основные культурно–смысловые категории, выявленные в исследовании. Опираясь на критерии, определяющие специфику русской ментальности, анализ будет проводиться по следующим ключевым категориям: простор как символ внутренней свободы; удаль – выражение энергии действия; тоска как особое экзистенциальное состояние русского духа; свобода и воля в их различиях и культурных контекстах; модель Пути, характеризующая особую временную ориентацию на прошлое; многозначность понятия «мир» и его коннотативная связь с гармонией и укоренённостью; представление о душе как внутреннем

органе чувств и переживаний; концепты истины и правды как основания справедливости и нравственности; доброта как открытость и естественность в общении; понятие счастья, отражающее полярность эмоционального опыта; а также практическая направленность русского менталитета, проявляющаяся в понимании труда и деятельности.

Категория простора в русской культуре выступает как фундаментальная метафора внутренней и внешней свободы. Пространственная широта в частушках символизирует широту душевного проявления, право на самовыражение, отказ от принуждения и нормативной замкнутости.

«Позволь, тятенька, жениться,
Позволь взять, кого хочу,
Непозволишь доброй волей –
Съ милкой в Питер укачу»

Здесь ощущается архетип свободы как жизненной необходимости, преодоление давления авторитета во имя личного выбора. Частушки транслируют простор не как безграничность территории, а как антропологическую и ментальную свободу быть собой, следовать сердцу, любить, действовать.

Напротив, потеря простора в фольклорном сознании ассоциируется с дискомфортом, сужением бытия:

«Я в чужих людях живу,
По востру ножу хожу...»

Метафора «острого ножа» отражает состояние внутреннего напряжения, тревожной ограниченности, противопоставленной исконной русской открытости.

Русская **удаль** – категория, сочетающая физическую силу, духовное порывистое начало и готовность к действию без оглядки на последствия. Частушки изображают удаль как жизненную силу, направленную на утверждение личной воли и правды:

«Я мальчишечко не робок,
Я любому силачу –

На бок рыло сворочу!»

Это проявление не агрессии, а яркого выражения субъектности. В удали содержится сочетание героической отваги и бытовой иронии. Русский менталитет здесь тяготеет к действию, к экзистенциальной проверке силы.

Тоска в русском менталитете – это не просто грусть или уныние, а категория, имеющая глубокие экзистенциальные корни. В частушках тоска неразрывно связана с одиночеством, уходящей молодостью, любовной утратой:

«Растоскуюсь, разгорююсь –

Проходить молодость моя»

Тоска – форма внутреннего опыта, в котором человек вступает в диалог с бытием.

В русском языке и культуре **«свобода»** и **«воля»** – не тождественные понятия. Если свобода тяготеет к общественному измерению, то воля – это стихия, природа, степь, душевный порыв.

«Не ходите, девки, замуж –

Бабья жизнь проклятая»

Здесь воля – не просто право выбора, а протест против социальных ролей, закрепощающих личность. Воля в частушках – категория почти сакральная: она выше закона, она – проявление природы человека, его инстинктивного стремления к свободе.

Путь – это не только направление, но и память, укоренённость, возвращение к истокам. Частушки показывают, как утрата прошлого лишает человека устойчивости, опоры:

«Было время золотое,

Был сыночек у отца

Все прошло и миновалась,

Стал я хуже подлеца.»

Тема утраченного «золотого века» связана с традицией лирического воспоминания, где прошлое идеализируется, а настоящее – переживается как падение или отчуждение.

Понятие **«мир»** в частушках отражает синкретизм внутреннего и внешнего устройства.

«Ах, ты, Манечка–змея,
Цветка отбила у меня;
Гуляй в доброе здоровье –
Не сержуся на тебя»

Здесь видно стремление к ненасилию, к восстановлению равновесия даже в условиях обиды. Русская идея мира предполагает терпимость, принятие, отсутствие раздора – всё это противостоит ментальности конфликта.

Русская **душа** – это не абстракция, а живая реальность. Частушки наделяют душу функциональностью – она любит, страдает, слабеет, говорит:

«Девчёнка с радости сказала:
“Душа вложена в тебя”»

Это синкретический образ: душа – и чувственное, и духовное начало. Она – главный регистр эмоций, выражения личности, этической чувствительности.

Категории **«правда»** и **«истина»** в русском фольклоре – это не столько соответствие фактам, сколько соответствие внутренней правде. Частушки передают прямооту и открытость – отсутствие лицемерия, готовность к самораскрытию:

«Говорят, говорят,
Славушку проносят –
Пускай говорят,
Поговорят да бросят!»

Правда здесь – форма самоуважения. Это не столько правда о мире, сколько правда о себе, о своих чувствах и выборе.

В русском фольклоре **доброта** не идеализируется – она бытовая, конкретная, незаметная. Частушки изображают людей, способных прощать, не затаивать зла, отпускать:

«Молоденькая девушка
Отняла у меня дружка;

Вали, девка, на здоровье –

Не сержусь на это я»

Такая позиция свидетельствует о зрелом отношении к жизни – без злопаметства, без агрессии, с готовностью к принятию мира таким, каков он есть.

В контексте **счастье** и здоровье не требуют душевных усилий или преодоления страданий – напротив, они воспринимаются как проявление благоволения высших сил к тем, кто живёт с открытым сердцем, поёт, танцует, разделяет радость с другими. Это образ счастливого состояния, в котором внутреннее и внешнее пребывают в гармонии. Такое понимание счастья отражает народную установку на полноту бытия в моменте, на телесную и душевную лёгкость, сопряжённую с музыкальностью и движением.

«Кто в тальяночку играет,

Господь счастьем наделяет;

А кто пляшет и поёт –

Господь здоровьица даёт»

Труд в частушках – не просто необходимость, а форма жизни, в которой человек реализует себя:

«Я – ударница–доярка,

Меня любит гармонист,

Он – ударник–тракторист»

Здесь звучит советская модель трудового подвига, но и до этого – труд был метафорой зрелости, социальной значимости, наполненной бытийным смыслом.

Русские частушки, несмотря на их кажущуюся простоту, содержат в себе концентрированное выражение национального менталитета. Их анализ позволяет выявить устойчивые культурные коды, через которые раскрывается специфика русского характера, эмоциональности и мироощущения. Простор, удаль, тоска, воля, душа, правда, доброта, труд – это не просто темы, но ментальные архетипы, определяющие способы восприятия мира и себя в нём. Частушки служат живым свидетельством того, как народная поэтика становится носителем

глубинных ценностей и моделей поведения, закреплённых в языке, памяти и культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате выполненной магистерской диссертации можно сделать следующие выводы.

Исследование образа человека в русских частушках отражает актуальный культурологический и лингвистический интерес к изучению национального менталитета и этнокультурных стереотипов, зафиксированных в языке. Частушка как жанр обладает уникальной антропологической ценностью: она не просто развлекает, но отражает и формирует коллективные представления о человеке, его нормах, роли, функциях, чувствах и ценностях. Таким образом, работа находится на пересечении фольклористики, лингвистики и культурной антропологии.

Теоретико–методологическую основу анализа составила модель восьми подсистем человека, предложенная Ю. Д. Апресяном. Она обеспечила многоуровневый подход к изучению образа человека, позволив классифицировать языковые данные по функциональным компонентам: физиологические состояния, физические восприятия, физиологические реакции, физические действия и деятельность, желания, мышление и интеллектуальная деятельность, эмоции, речевая активность. Данная модель позволила структурно описать материал и выявить, как в фольклорной форме реализуется представление о человеке как о многомерном существе, чья телесность и духовная жизнь описываются через устойчивые лексические средства.

Также важным элементом научного анализа стало привлечение дополнительных лингвистических подходов, расширивших понятийное поле исследования. Этнолингвистический подход А. Вежбицкой позволил рассматривать частушку как носителя универсальных и культурно–специфических смыслов. Были проанализированы семантические примитивы (хотеть, думать, чувствовать), как базовые единицы концептуализации, а также такие ключевые понятия русской культуры, как душа, тоска, судьба, что позволило проследить особенности ментального и эмоционального самовосприятия человека в народной картине мира.

Метод оценочной лексикографии И. В. Булыгина дал возможность выделить бинарные оценочные оппозиции, отражающие народные ценности и установки. Систематически представлены антиномии: добрый/злой, умный/глупый, трудолюбивый/ленивый, которые формируют нормативную модель поведения и моральную оценку личности.

Культурно–лингвистический подход А. Д. Шмелёва был применён для реконструкции устойчивых культурных сценариев и социальных ролей. Выявлены стереотипы, соотносящиеся с гендерными и социальными характеристиками: образ женщины как страдающей, терпеливой, заботливой; образ мужчины как сильного, но зачастую пассивного или иронично обесцененного. Подобные модели закреплены в частушке на уровне лексической сочетаемости и контекстуальных маркеров, что подтверждает её функцию как средства хранения и воспроизводства национальных представлений о человеке.

Особое внимание было уделено изучению национального менталитета, представленного в языке. В работе применена модель, выделяющая четыре ключевых аспекта менталитета: бытийный, познавательный, ценностный и деятельностный. Это позволило рассмотреть образ человека не только как биологическое или психологическое явление, но как результат культурной репрезентации.

Бытийный аспект проявляется в ориентации на пространственные и экзистенциальные категории – широта души, тоска, воля, удаль, раздолье, которые выступают в языке как характеристики внутреннего состояния и мироощущения. Познавательный аспект связан с представлением о человеке как субъекте интуитивного, образного и нередко противоречивого мышления. Ценностный аспект выражен в концептах правда, счастье, справедливость, доброта, которые характеризуют нравственный идеал. Деятельностный аспект отражён в лексемах труд, работа, дело, свидетельствующих о высокой значимости социально полезной деятельности в народной картине мира.

Практическая часть диссертационного исследования направлена на комплексное воспроизведение образа человека в русских частушках в рамках лингвокультурологического подхода. Эмпирической базой составили 198 частушек.

Для обеспечения системности и типологической точности весь материал был классифицирован по трём ключевым параметрам: пол, возраст, профессиональная принадлежность.

Женский образ представлен как эмоциональный и телесный центр народного мира. Женщина в частушке функционирует в разных социальных ролях – девушка, жена, мать, подруга, свекровь, сударушка, – при этом каждая роль сопровождается собственным набором семантических и поведенческих признаков. Женщине присуща физиологическая чувствительность (слёзы, боль, влюблённость), активная эмоциональность (стыд, обида, тоска, радость), а также вербальная инициатива (высказывание желаний, претензий, иронии). Однако её субъектность часто ограничена внешними социальными давлениями – насилием, принуждением к браку, общественным осуждением.

Мужской образ демонстрирует противоположную динамику. Он репрезентирован через функциональные и оценочные роли: возлюбленный, лодырь, работник, солдат, отец, муж. Мужчина активен в сфере действия (работа, война, пьянство, насилие), однако его эмоциональный и когнитивный профиль редуцирован. Его телесность груба, физиологически подчеркнута, а речь ограничена командами, угрозами или пустыми обещаниями. Частушка либо сатиризирует мужскую некомпетентность, либо мифологизирует силу и статус. Гендерное противопоставление в частушке строится не столько на биологическом различии, сколько на фольклорной типологии социального поведения.

Дети и молодёжь выступают как наиболее одушевлённый и экспрессивный образы. Через их образы транслируется идея жизненного начала, эмоциональной искренности, права на любовь и страдание. Молодёжь противопоставляется миру взрослых как естественное, чувственное, наивное начало, сталкивающееся с непониманием и репрессией со стороны старшего поколения.

Родители и взрослые репрезентированы как носители нормативной функции: они запрещают, устраивают браки, выражают осуждение. Эти фигуры лишены телесной и эмоциональной выразительности, их речевая активность директивна.

Старики представлены как фигуры, утратившие активное участие в жизни. Их телесность редуцирована, эмоциональность минимизирована, желания не артикулируются. Присутствуют элементы религиозности, ритуальности, нравоучения. Старость в частушке – это не возраст как опыт, а возраст как уход: завершённость телесного, угасание эмоционального и дистанцированность от активного социального взаимодействия.

Профессиональные идентичности в частушке служат маркерами социокультурного статуса, идеологической нормативности и телесно–речевого поведения.

Мужские профессии (тракторист, солдат, бригадир, лётчик) репрезентируют силу, подвиг, власть, но зачастую – с иронической гиперболизацией. Тракторист может быть представлен как герой труда и одновременно как грубый субъект с примитивными желаниями. Солдат – одновременно носитель подвига и объект сатиры. Лётчик – романтический образ, обобщающий идею мечты и недостижимости.

Женские профессии (доярка, агроном) совмещают трудовую идентичность с телесностью и эмоциональной чувствительностью. Женщина–профессионал в частушке не лишается женственности, наоборот – её трудовая функция усиливает образ земной, живой героини.

Таким образом, профессиональные образы демонстрируют механизм народной типизации труда: профессия осмысливается не в терминах функций, а в терминах поведения, эмоций, речи и соотношения с нормами.

Фольклор оперирует не личностями, а архетипами. Женщина – это мать, жена, невеста, страдальца, активистка; мужчина – лодырь, солдат, бригадир, тракторист, любимый, отец. В таких образах кодируются представления народа о социальных ролях и моральных ожиданиях.

Русская частушка демонстрирует органическую связь физиологического и ментального. Женщина страдает и любит, работает и тоскует. Мужчина трудится

или бездействует, а это оценивается как нравственный выбор. Частушка наделяет телесные состояния (усталость, боль, радость, желание) аксиологическим значением.

Фольклорный текст обнажает внутреннюю сторону человека: его страхи, страсти, надежды, печали, возмущение. Особенно женские частушки насыщены эмоциональной лексикой, в них раскрывается концепт «души» как центра жизни и боли. У мужчин – эмоции чаще социально окрашены: протест, гнев, боль несправедливости.

Повторяемость лексем «тоска», «милый», «беда», «горюшко», «работа», «любовь», «волюшка», «отец», «маменька», «солдат», «ударница», «тоска» и др. демонстрирует, какие ценности и реалии значимы для народа. Это труд, родина, любовь, беда, коллектив, честь, страдание.

Работа точно показывает, как в частушках дореволюционного, советского и постсоветского периода меняются модели идентичности. От крестьянского «страдальца» к советскому «ударнику» и «летчику» – это эволюция коллективного образа героя/героини, выражающаяся в языке.

Частушки – это механизм коллективной социализации. Через иронию, сатиру, юмор они устанавливают границы дозволенного. Лодыря высмеивают, солдата – жалеют, доярку – превозносят, а девку, «повесившую голову», – сочувственно поддерживают. Частушка осуждает, воспитывает, направляет.

В работе глубоко анализируются такие ментальные константы русской культуры, как «широта», «воля», «тоска», «душа», «простор», «правда». Именно через эти концепты формируется образ «своего человека» – терпеливого, глубоко эмоционального, морально ориентированного, страдающего, но несломленного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Александров, Н.А. Космический феномен человека: человек в антропном мире / И.А. Александров. – М.: АГАР, 1999. – 432 с.
- 2 Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – 37–67 с.
- 3 Аскандарова, Е. В. Фольклор как источник сведений о национальном характере / Е. В. Аскандарова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 17 (464). – 474–476 с.
- 4 Афанасьева, Л.А. Эпитет в частушках / Л.А. Афанасьева // Эпитет в русском народном творчестве. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 93 – 103 с.
- 5 Бабошкин, М.Л. Ритуал кровопускания у древних майя. Проблемы интерпретации: психологическая защита, самореализация, социализация в мифологизированном мире / М.Л. Бабошкин // Мир психологии, – 2003. – №3. – 148–153 с.
- 6 Балла,О. Обнажённое тело в культурных пространствах / Ольга Балла // Знание – сила. – 2004. – № 2. – 78–83 с.
- 7 Бахтин, 1966 – Бахтин В.С. Раздумье о частушке // Частушка / вступ. ст.,подготовка текста и прим. В.С. Бахтина. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. – 52 с.
- 8 Белов, В.И. Лад: очерки о народной эстетике // Белов В.И. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Современник, 1984. – Т. 3. – 478 с.
- 9 Блажес, В.В. Содержательность художественной формы русского былевого эпоса. – Свердловск, 1977. – 67 с.
- 10 Бобунова, М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора: лексика былинных текстов. – Курск: Изд-во ГУИПП «Курск», 2000. – Вып. 1. – 112 с.
- 11 Богуславский, В.М. Словарь оценок внешности человека / В.М. Богуславский. – М.: Космополис, 1994. – 335 с.
- 12 Быховская, И.М. Человек телесный в социокультурном пространстве и времени (очерки социальной и культурной антропологии). – М., 1997. – 209 с.

- 13 Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая / пер. с англ. А.Д. Шмелева – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
- 14 Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая / пер. с англ. А.Д. Шмелева – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
- 15 Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
- 16 Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
- 17 Вендина, Т.Н. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
- 18 Вирт, Бернхард. Всё о человеке, его характере и языке тела: наука понимать людей / Бернхард Вирт : пер. с нем. Н. Лебедевой. – М.: ФАИР ПРЕСС, 2004. – 352 с.
- 19 Власова, Н.А. Современное фразеогнездообразование в аспекте изучения языкового образа мира (на материале соматической фразеологии русского литературного языка и русских народных говоров) / Н.А. Власова // Фразеология и миропонимание народа : материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Фразеологическая картина мира / Сост. В.Т. Бондаренко, Г.В. Токарев. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2002. – 174 – 179 с.
- 20 Горелов, А.А. Поэзия частушки // Русская частушка. – СПб., 2008. – 28 с.
- 21 Гудков, Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
- 22 Гуревич, П.С. Введение в философию. – М.: Олимп, 1997. – 397 с.
- 23 Дагурова, Д.В. Из истории слова сердце в русском языке XI – XVII вв. / Д.В. Дагурова // Филологические науки. – 2000. – № 6. – 95 с.
- 24 Урысон, Е.В. // Путь. Международный философский журнал. – 1994. – № 6. – 219–231 с.

- 25 Жаров, Л.В. Человеческая телесность: философский анализ / Л.В. Жаров – Ростов н/Д, 1988. – 128 с.
- 26 Иванов, В.В. Образ человека в славянской мифологии. – М.: Наука, 1989. – 304 с.
- 27 Кабакова, Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции / Г.И. Кабакова – М.: Ладомир, 2002. – 335 с.
- 28 Карамышева, О.А. Кость в русских заговорах на фоне фольклорной традиции / О.А. Карамышева // Лингвофольклористика 3. – Курск, 2000. – 56–61 с.
- 29 Карамышева, О.А. Соматизмы в текстах заговоров (на фоне фольклорной традиции) / О.А. Карамышева // Опыт сопоставительного анализа в лингвофольклористике. – Курск, 2002. – 12–54 с.
- 30 Карамышева, О.А. Кровь и руда в текстах русских заговоров / О.А. Карамышева // Лингвофольклористика 3. – Курск, 2000. – 67 – 89 с.
- 31 Климас, И.С. Реализация концепта «сердце» в фольклорной и нефольклорной лирике / И.С. Климас, Р.И. Климас // Лингвофольклористика: вып. I. – Курск, 1999. – 21–27 с.
- 32 Климова, И.А. Фольклорные традиции и их отражение в современном русском языке. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 216 с.
- 33 Козлов, Д.А. Традиции и обряды в русской культуре: социально-антропологический анализ. – СПб.: Наука, 2012. – 280 с.
- 34 Константинова, С.К. Олицетворение в русской народной семейной песне / С.К. Константинова, О.А. Черникова // Кубанские научные беседы. Лето 2003. – Курск: Изд-во Курск, гос. ун-та, 2003. – 3–20 с.
- 35 Константинова, С.К. Олицетворение в русской народной семейной песне / С.К. Константинова, О.А. Черникова // Кубанские научные беседы. Лето 2003. – Курск: Изд-во Курск, гос. ун-та, 2003. – 3–20 с.
- 36 Констебл, Д. Бороды в истории: символы, моды, восприятие // Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. М.: Наука, 1994. – 165–181 с.

- 37 Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов / 2-е изд., испр., доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
- 38 Косарев, А. Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость: учебное пособие для вузов / А.Ф. Косарев – М.: ПЕР СЕ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 304 с.
- 39 Краткий словарь современных понятий и терминов. – М.: Республика, 2000. – 670 с.
- 40 Крейдлин, Г.Е. Языковая концептуализация частей тела в русском языке (на примере плеч) / Г. Е. Крейдлин, А.Б. Летучий // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М, 2004. – 128–136 с.
- 41 Кухаренко, В.А. Интерпретация текста: учебное пособие для студентов пед. по спец. № 2103 «Иностранный язык». – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
- 42 Лазутин, С.Г. Русские народные лирические песни, частушки и поговорки: учеб. пособие для вузов по специальности «Рус. яз. и лит.». – М.: Высш. шк., 1990. – 240 с.
- 43 Лазутин С.Г. Частушка // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М.: Совет. энцикл., 1978. – Т. 29. – С. 35.
- 44 Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Известия АН. Серия языка и литературы. – 1993. – Т. 52, № 1. – 3–9 с.
- 45 Лихачев, Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачев. М.: Наука, 1970.–180 с.
- 46 Лотман, Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Прогресс, 1992. – 256 с.
- 47 Мазалова, Н.Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских / Н.Е. Мазалова – СПб, 2001. – 185 с.
- 48 Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

- 49 Мифы народов мира. М.: Сов энциклопедия, 1980 – Т.1. – 306–307 с.
- 50 Морозов, А.Н. Народные песни и частушки: исследование и тексты. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1998. – 340 с.
- 51 Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. – М.: Наука, 1991. – 125 с.
- 52 Никифоров, В.Н. Образный строй русского фольклора. – М.: Издательство МГУ, 1973. – 290 с.
- 53 Новоселова, Е.Н. Изменение норм и ценностей брачно–семейных отношений в России в 1917–1980 гг. (по материалам фамилистического анализа частушек). – М.: Наука, 1991. – 126 с.
- 54 Панченко, А.А. Очерки по истории русского фольклора. – Л.: Наука, 1984. – 352 с.
- 55 Петренко, О.А. Этнический менталитет и язык фольклора / О.А. Петренко. – Курск: Изд-во КГПУ, 1996(6). – 118 с.
- 56 Петрова, Е.Н. Национальная идентичность и ментальность в русской литературе XIX века. – Екатеринбург: Уральский университет, 2009. – 89 с.
- 57 Попова, А.Р. Выражение символики «рука – согласие на брак» в лексике и фразеологии русского языка // Фразеология и миропонимание народа // Материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1, 2001. – 67 с.
- 58 Попова, З.Д. Стернин, И.А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 60 с.
- 59 Путилов, Б.Н. Проблемы типологии этнографических связей фольклора / Б.Н. Путилов // Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л, 1977. – 3–15 с.
- 60 Пушкарева, Н.Л. Интимная жизнь русских женщин в X–XV вв. // Этнограф. обозрение. 1998. № 1. С. 93–103; Пушкарева, Н. Л. Читаем сказки сквозь гендерные очки // Гендерные проблемы в общественных науках. М., 2001. – 67 с.
- 61 Рогов, А.Н. Лингвистический анализ фольклорных текстов. – Казань: Казанский университет, 2001. – 198 с.

- 62 Селиванов, Ф.М. Народная лирическая поэзия последнего столетия // Частушки / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. – М.: Совет. Россия, 1990. – 5–28 с.
- 63 Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 2: Д – К (Крошки) – М.: Междунар. отношения, 1999. – 704 с.
- 64 Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). – М.: Междунар. отношения, 2004. – 704 с.
- 65 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1972. – Вып. 8; 1974. – Вып. 10; 1981. – Вып. 17; 1982. – Вып. 18.
- 66 Соколова, Т.С. Этнокультурная значимость соматизмов в составе русских фразем // Фразеология и миропонимание народа // Материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1, 2004. – 704 с.
- 67 Сухачев, В.Ю. Герметизм тел и герменевтика телесной практики / В.Ю. Сухачев // Метафизические исследования – 567 с.
- 68 Токарев, Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале
- 69 Толковый словарь русского языка. Под ред. Ушакова Д.Н. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 65 с.
- 70 Толстой, Н.И. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Т. 1: А – Г. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 584 с.
- 71 Топоров, В.Н. Пространство и время в русской народной культуре. – М.: Наука, 1995. – 312 с.
- 72 Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
- 73 Урысон, Е.В. Душа, сердце и ум в языковой картине мира / Е.В. Урысон // Путь. Международный философский журнал. – 1994. – № 6. 219 – 231 с.

- 74 Урысон, Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания – № 3 – 1995. 3–16 с.
- 75 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер : пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева: под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра-Азбука, 1996. – 60 с.
- 76 Федотов, Г.П. Святые древней Руси. – Париж: YMCA-Press, 1931. – 400 с.
- 77 Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг. – М.: Наука, 1978. – 608 с.
- 78 Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг. – М.: Наука, 1978. – 608 с.
- 79 Фридзон, А.К. Фразеологические единицы с компонентом «сердце» в русском языке // Фразеология и миропонимание народа // Материалы Международ. науч. конф.: В 2 ч. Ч. 1. – 78 с.
- 80 Фрумкина, Р.М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии / Р.М. Фрумкина // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, №1. 3–10 с.
- 81 Христианство. Энциклопедический словарь в 2-х т. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 861 с.
- 82 Хроленко, А.Т., Бобунова М.А., Завалишина К.Г. Сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – 47–52 с.
- 83 Хроленко, А. Т. Что такое лингвофольклористика / А.Т. Хроленко // Русская речь. – 1974. – № 1. – 36–41 с.
- 84 Хроленко, А.Т. Опыт сопоставительного анализа в лингвофольклористике / А.Т. Хроленко, О.А. Петренко, О.А. Карамышева – Курск: Изд-во Курск, гос. пед. ун-та, 2002. – 124 с.
- 85 Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии / А.Т. Хроленко. – М.:

- 86 Хроленко, А.Т. Семантика фольклорного слова / А.Т. Хроленко – Воронеж: Издательство ВГУ, 1992. – 140 с.
- 87 Хроленко, А.Т. Семантика фольклорного слова / А.Т. Хроленко – Воронеж: Издательство ВГУ, 1992. – 140 с.
- 88 Черванёва, В.А. Пространство и время в фольклорно–языковой картине мира (на материале эпических жанров): Монография / В.А. Черванёва, Е.Б. Артёменко. – Воронеж: Изд-во Вилл У, 2004. – 184 с.
- 89 Черных, П.Я. Историко–этимологический словарь русского языка. Т. I –II. М., 1994. – 76 с.
- 90 Черных, П.Я. Историко–этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1994.
- 91 Чернышёва, М.И. Историко–лексикологическое (тематическое) исследование: экспериментальный опыт на основе информационной технологии / М.И. Чернышёва, Ю.Н. Филиппович // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – 56–83 с.
- 92 Чернышёва, М.И. Человек в древнерусских и византийских памятниках (лексикологический аспект) / М.И. Чернышёва // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998. – 569–591 с.
- 93 Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы
- 94 Шуклин, В.В. Русский мифологический словарь / В.В. Шуклин. – Екатеринбург: Урал. Изд-во, 2001. – 384 с.
- 95 Шуклин, В.В. Русский мифологический словарь / В.В. Шуклин. – Екатеринбург: Урал. Изд-во, 2001. – 384 с.
- 96 Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. В. Андреева [и др.]. – М.: Локид; Миф, 2000. – 576 с.
- 97 Этинген, Л.Е. Как же вы устроены, господин Тело? / Л.Е. Этинген – М., 1997.–309 с.

- 98 Этинген, Л.Е. Волосы и ногти / Л.Е. Этинген // Человек. – 2002. – 145–157 с.
- 99 Этинген, Л.Е. Орган зрения / Л.Е. Этинген // Человек. – 2003. – №1. –131–139 с.
- 100 Юдин, А.В. Состав тела человека в русских заговорах / А.В. Юдин // Кодови словенских култура. Београд. – 1999. – № 4. – 7 –31 с.
- 101 Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – языкознания. – 1999. –№1. – 3–16 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примеры русских частушек с различными образами

Женщина		
Тема	Количество	Текст
Баба, бабонька	10	«Эти бабы, эти бабы Соберутся во кружокъ; Они судят, они рядятъ: У кого какой дружокъ». Всѣ дѣвки и бабы: Двоихъ люблю на обманъ, Третьево—для повады. «Въ томъ концѣ бабы судили, Что парней платкамъ делили; Мы на бабъ не поглядимъ,— — Еще вышьемъ да дадимъ.» «Не судите, бабы , вы,— Мы не испугалися: Мы за вашихъ сыновей Замужъ не сбиралися.» «Свѣтитъ ясная луна, Разбиваютъ бабы меня; Бабоньки, вамъ не разбить, Кого любила, не забыть!» «Ну, пускай же бабы судятъ, О порочать нашу честь,— Отольются бабамъ слезы , У кого дѣвченки есть!»
Девушка, девки, девочка	21	«Меня, молоденькую дѣвушку, Неправдою корятъ: Насказали всего родителям, Теперь дома бранять». «Въ томъ краю бабы судятъ, Что девочка опасная:

		Но за ихнихъ сыновей Замужъ несогласная.» «Течеть речка по песочку, Ручеекъ по нивушке, Поиграю я въ тальянку, Для любой для девушки.» «Шель деревней, девки спали; Поиграль–девченки встали: Встали, пробудилиса, Окна растворилиса.» «Не кукушечка кукует, Не соловушка поет – Это девушка тоскует: Милый в городе живет.» «Со крутого бережка Столкнула девушка дружка: Иди ты, кровочка, ко дну, Коли любишь не одну!» «Сел пряточка напротив, Заиграл в тальяночку, Мне, девчонке, подмигнул – Отодвинь товарочку.» «Ой, милашечка, тоска, Иссохло сердце, как доска: По тебе, девчоночка, Позеленел, как елочка.» «Не от солнышка рябина Кисти принавесила; Не от радости девчонка Голову повесила.» «Полно, белая береза, Над водою бушевать; Полно, глупая девчонка, Надо мной озоровать.»
--	--	---

		«У меня в букете роза, Я' девчонка из колхоза, Из колхоза «Новый путь», Меня Шурою зовут.» «Я активная девчонка, Грудь моя огнем горит, Обо мне ли, о селькорке, Вся деревня говорит.»
Мама	22	«Меня маменька ругает, Тянька больше бережет: Как идешь с гулянья поздно, Он с поленом стережет.» «А я у маменьки жила – Головка гладенька! была, Дураку досталась – Головка растрепалась.» «Я у мамки корки ела – За работой песни пела, У свекрови чай пила – За столом слезы лила.» «Ты, родима матушка, Родила бы камушкомъ, О пустила бъ въ морюш ко,– Н е знала бъ дочка горюшка.» «Пожалъй, родима матушка, Годочекъ хотя меня, Н е отпускай родну дочку Въ чужи люди отъ себя.» «Ты спроси, родима матушка, Какъ я въчужихъ лю дяхъ жила: Горю чимъ слезкамъ обливалась, Свою долюшку кляла.» «Ты , родима моя матушка, Я – горюшко твое, Проводи въ чужие люди

		За полюшко свое.» «Встанько, мамонька, поранѢ, Встретько дочушку подалѢ; Не съ гульбы , не съ волюш ки – Съ чужой дальной сторонушки.» «Не брани, родима матушка, За волюшку меня; ПонадоѢсть, понадоскучаеть Чужая сторона.» «Мамонька родимая, СвѢча неугасимая, Полно плакать обо мнѢ,— Видно судьба такая мнѢ: По чужиемъ людямъ жить, Тоску въ сердечкѢ перносить.»
Подруга	14	«Задушевная подружка, Нюра милая, поверь, Я о старом ягодиночке, Не думаю теперь.» «Дроля двери отворяетъ, Шарфикъ бѣлый въ переплеть, Мы съ подружкой разсмѣялись: Кого ждали, тотъ идетъ.» «Послушай, ягодка, припѣвочки, Подруженька поетъ – Въ этихъ припѣвочкахъ миленочку Навѣточку даетъ.» «Всѣ подружки дружка хають, Ветъ товарищи его, А мнѢ дурь! что—то далось: Нетъ терпенья, жаль его!» «Проводилъ, пошелъ одинъ... Давай, подружка, поглядимъ, Давай послушаемъ еще, Какъ онъ играетъ хорошо.» «Сегодня вечеръ несчастливый:

		Околь меня сидить паршивый, Околь подружки– дорогой,— Сердце колеть, что иглой.» «Дорогой, гдѣ глазки были, Зачѣмъ къ подружкѣ подошелъ? – Не ругай меня, бѣлянка, Васѣ искалъ, да не нашелъ.» «По долине речка вѣется,— Серебристая вода. Мы с подругой обязались Дать по тонне волокна.»
Свекровь теща	5	«У милова под окном Вскопана земелюшка: Выйду замуж за него Седьмая в семьеюшку; Свекор да свекровушка, Два деверя, золовушка.» «Кабы меня, девушку, К милому в семьеюшку, Где нету свекровушки, Смутяницы золовушки.» «Не пойду замуж туда, Где свекровушка худа; Выберу, девчоночка, Семейку без свекровушки» «Я у мамки корки ела — За работой песни пела, У свекрови чай пила — За столом слезы лила.» «Ах, теща моя, По миру хлобыщет, Кусков наберет И вина разыщет.»
Сударушка	3	«Ну, пускай поспит, понежится Сударушка моя, Отдадут меня в солдаты

		Примет горя без меня. Ты, тальянка, синий мех, Распусти–ка славу – смех; Распусти–ка славушку Про мою сударушку.» «Раздвинься, народ, Моя сударыня идет. Она хочет поплясать, Все манеры показать.» «На красивую сударушку Надеяться нельзя – Она одкпа черно платицо, Въ монашенки пошла».
Милая	5	«Каркнул ворон на березе, Свистнул воин на коне. Поминай меня, милая, В чужой, дальней стороне.» «Тут и сыро, тут и грязь, По колено вязнешь. Ты скажи, моя милая: Любишь или дразнишь?»
Мужчина		
Тема	Количество	Текст
Мужик	10	«Въ этомъ году вышла замужъ, Не взлюбила мужика, Въ ночки темныя гадала: Какъ уйти отъ дурака.» «Перву думу разогнали, Мужики духомъ упали; Бедняки–то горевали, Кулаки–то ликовали.» «Наша дума модница,

		Богачу угодница; До бедняги мужика Ей нужда не велика» «Гучков—то молодец, Богачу родной отец; «Сколько шуму на селе: Знать, мужики дерутся? Нет, укрепляются в земле, Между собой грызутся»
Лодырь	10	«Дорогая ты подружка, В кого ты влюбилась: Первый лодырь он в колхозе, Хата развалилася.» «На горе собака лает, На мосту петух поет. Лодырь целый день гуляет, Делу ночь запоем пьет.» «Пароход идет по Волге, Волга – матушка река. У лентяя отдых долгий, А работа коротка.» «От работы бежит лодырь, На колхоз махнул рукой: Дня четыре отдыхает, А на пятый – выходной.» «Мой—то миленький механик Зубы скалит у лохани: Беззаботный муженек Прогулял опять денек.» «У лесочка на песочке, На три кочки, в три ряда, Лодырь высеял ленок Получилась лебеда.» «Лодырь ходит по заулку

		Да глядит, как мы косим. Лодырь думает о булке, А мы булочки едим.» «Стоит лодырь у ворот, Широко разинув рот, И никто не разберет – Где ворота, а где рот.»
Парень	13	«Только мера застучала Над моею головой, Все начальники сказали: – Принят парень молодой.» «Голубое не шивать, Зеленое не нашивать, За любова паренька Замуж не выхаживать.» «Иссушил парень девчонку, Нет в лице кровиночки. Если кровь в лице была, Виноватая была.» «Чернобровый большой парень Положил на сердце камень.» «Эх, малина, ты, малина, Ягодка медовая, Почесали белым спины Пареньки бедовые.» «Ветер дует, не стихает, Колыхает в поле рожь, Если парень не ударник В провожатые не гож.» «Я Ванюшу полюбила, Раньше парень был удал, А теперь его забыла: Бракоделом парень стал.» «Пели песни и припевки, Собирался весь народ,

		Провожали с песней девки Паренька в Балтийский флот.» «Тракторист – хороший парень, Сердце беспокоится. Ах, нельзя ли, тракторист, С вами познакомиться?» «Из–под горки ручеек Серебристый льется. Парень девушку любил, А теперь смеется.» «Мы на лодочке катались В выходной такой денек, Если милую отбили, Ты не парень, а пенек.»
Отец	9	«Ножницами забрякали, Отец, мать заплакали, Ленточку накинули – Закричали: приняли!» «Поглядите, мать, отец, Нас погонят, как овец: Через каменный мосток Нас погонят в Белосток.» «Как Гучков–то молодец, Богачу родной отец; До бедняги–мужика Ему нужда не велика.» «Разлучили, развели Отец с матерью родны.» «Две кукушечки кукуют, Два соловушка поют – Отец с матерью толкуют, Дочку замуж выдают.» «Не брани, родной отец, Скоро гуляночки конец:

		Расплетут девичью косу, Наденут бабию красу.» «У меня отец в колхозе И в колхозе моя мать, Я в колхозе научилась По пять копен в день вязать.» «Мой отец пшеницу сеял И огрехи допустил. Я, на лица не взирая, В стенгазете прохватил.» «Я не сам гармошку красил, Не сам лаком наводил; Я не сам милашку сватал – Отец с матерью ходил.»
Профессии		
Тема	Количество	Текст
Доярка	1	«Солнце светит ярко, ярко! Я – ударница–доярка, Меня любит гармонист, Он – ударник–тракторист.»
Тракторист	10	«Весна красная подходит, Цветы стали расцветать. Сотни новых трактористов В поле выедут пахать.» «Широка дорога в поле. В поле дует ветерок. Трактористка поле пашет, На ней красненький платок.» «Я иду, а трактор пашет, Тракторист мне кепкой машет. Я сказала: не маши, Аккуратнее паши.» «Трактористу Николаеву

		И слава и почет!— Целых двести кубометров Вместо сотни он везет!» «Лучше Пети нет на свете — Самый первый тракторист,— За ударную работу Получил почетный лист.» «Моя милка трактористка — Не угонишься за ней, В клубе вечером — артистка, Днем — ударница полей.» «Эх, зима, зима, зима, Выжил попик из ума, По . деревне носится, В трактористы просится.»
Бригадир	4	«Мой миленок бригадир Во всем колхозе славится. Полно, милый, заноситься — Я теперь ударница.» «Дядя Яков бригадир, Я в его бригаде. Полевой он командир, Я в его отряде.» «Извини меня, милая, Что я к речке не пришел, По наряду бригадира Охранять поля ушел.» «Давай, милый, посидим, Нам с тобой почет один, Я — в колхозе бригадир, Ты — во флоте командир.»
Агроном	3	«Засевай поля без бога, Бог на поле не при чем, Наша крепкая подмога Большевистский агроном.»

		«Мы колхозную деревню К быту новому ведем: Глянешь вправо – трактористы, А налево – агроном'.» «Нам молебен не потребен, Это ты соображай: Агроном, а не молебен Нам повысит урожай.» «Поп в деревне надоел Со своей молитвою. Есть в колхозе агроном Будем с крупным мы зерном.»
Солдат	22	«В поле меленки не мелят И толкушки не толкут. Отчего дружка не женят? Знать, в солдаты берегут.» «Девочка Анюточка, Последняя минуточка: Тебя замуж отдадут, Меня в солдаты повезут.» «Увезут в солдатушки От болезной матушки. От болезной матушки Не хочется в солдатушки.» «Листья вянут на дубах Я гуляю в рекрутах; Листья с дуба упадут – Меня в солдаты отдадут.» «Пускай на брата остаются Все луса косой косить, Мне, метюденькому мальчику, Винтовочку носить.» «Нам недолго остается По деревенькам гулять: Скоро, скоро доведется

		И в солдатах побывать.» «Погуляем, братец Саша, Знать судьба такая наша, Погуляем да попьем, Потом в солдатушки пойдем.» «Не вино меня качает – Меня горюшко берет: Я не сам иду в солдаты Старшина меня ведет.» «Свети, месяц, свети, месяц, Половина месяца; Повезут меня в солдаты Вся деревня сбесится.» «Я по полюшку ходила, Выбирала тонку рожь. Если тоненька соломка, То в солдаты не пойдешь.» «Уж ты, тятенька–отец, Я не пахарь, не косец, Я не пахарь полевой, А солдатик лобовой.» «С горки камешек катился, Прямо в реченьку упал, Разнесчастный мой миленок Во солдатики попал.» «Не от кустика родился От такой же матушки; Только на ноги поднялся – Взяли во солдатушки.» «Что–то бело пролетело, На мое окошко село – Белая касаточка, Осталась я солдаточка.»
Летчик	7	«Раньше были мы без хлеба,

		А теперь семья – пример: Сынок летчиком, а дочка Третий год как инженер.» «Эх, у нас и летчики, Летчики –• молодчики! Всю страну прославили, Челюскинцев доставили.» «Когда милый мой поедет – Помашу платочком), Будет мой любимый Федя Самым смелым летчиком.» «Улыбается мамаша, И отрадно стало ей: Школу летчиков кончают Ее двое сыновей.» «Вчера были плугари Были трактористы, А сегодня – моряки, Летчики, танкисты.» «Милый мой, отважный летчик, Через дальний темный лес Улетел на ероплане В голубую даль небес.» «Ах, забавочка моя, Да какой счастливый я: Как не радоваться тут, Когда в летчики берут!»
Возрастные категории		
Тема	Количество	Текст
Дети	18	Что не ветер ветку клонит, Не дубравушка шумит: Мальчик девку черноброву

		В лес по ягоды манит. Пускай на брата остаются Все луса косой косить, Мне, метюденькому мальчику, Винтовочку носить. Сдали мальчика в солдаты По большой неволюшке Стало некому работать Во широком полюшке. Отдадут в солдатушки, Не к родимой матушке, На ученье будут бить, Придется мальчику служить. Какая острая пила – В' елочку впилилася, Какая глупая была – В мальчика влюбилася. Того в беленькой рубашке, Того мальчика люблю, Сама знаю, что не пара, А расстаться не могу У нашего игрока Болит правая рука, А на левой пальчик, Хорошенький мальчик. Мне, мальчику бедному, Шить рубашку некому. Говорила одна мне: «Принеси ты, мил, ко мне!» Сядем, сядем с тобой рядом, Беленькая девочка, Вышей ты мне на платочек, Не жалея времянка). Ты раскуривай, не бойся,
--	--	--

		Я не староверочка. Попривыкла к табаку Молоденькая девочка. Была у мальчика тальяночка Такъ братъ ее отбилъ; Была у мальчика беляночка, Такъ тятка забранилъ. Меня маменька бранила: Ты, дочурка, не водись, Далеко мальчики проводятъ— Подъ беду не попадись. Дайте ходу, пороходу, Будетъ по морю ходить; Дайте девочке свободу, Будетъ мальчика любить. На бесѣдъ не видать, Дорогой кровиночки,— Скучно мальчику гулят Вотъ спасибо матерямъ— Дали волю дочерямъ: Съ нами, мальчикамъ, смѣются, На свѣту домой плетутся. Вы, товарищи, друзья, Кого лишаюсь, мальчик, я, Лишаюсь матери родной, Еще дѣвченки молодой.
Взрослые (родители)	9	Милые родители Девушку обидели, Покинули, оставили, В работницы поставили. Отворила бы окошечко, Петелечки скрипят; Поговорила бы с кровинкой, — Родители не спят.

		Бестолковые родители За ягодку бранят; Будто сами таки не были Молоденьки, как я! Приневолили родители Икону целовать. Я заплакала, сказала: «Дайте годик погулять». Милые родители, Родиму дочь обидели: Лето хоровотили, Просватали – не отдали Вы, родители – губители Губительница мать! За кого желаловь замужъ, Не Не сумели дочь отдать Вересовые куточки, Они видътели Насъ не люди развели, Развели родители Дорогие родители, Счастье отнимаете: Хотели милочка посватать, Вы не позволяете.
Старики	2	Где ни взглянь – кругом значки И косынки алые. В бога верят старики И старухи старые. Жили были дѣдъ да баба, Бли кашу съ молокомъ; Разсердился дѣдъ на бабу– Хлопъ, по пузу кулакомъ!